

Непокорная для Демона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕВА ВАСИЛЬЕВА

18+

Ева Васильева

Непокорная для Демона

<https://litres.ru/74326507>

SelfPub; 2026

Аннотация

После гибели родителей она стала единственной опорой для сестры, научившись выживать в жестоком мире. Он – властный, безжалостный игрок криминального мира, для которого нет преград, чье слово – закон, а взгляд – приговор. Их пути столкнулись в одну роковую ночь: по ошибке приняв её за другую, он забрал её невинность, разрушив хрупкий мир, который она так бережно строила

Её гордость и ледяное неприятие его попыток искупить вину лишь разбудили в нём зверя – интерес, переросший в неукротимую одержимость. Он не привык к отказам, и её непокорность стала самым желанным трофеем. Но когда враги готовят новый удар, а внутри неё бьется сердце их общего ребенка, им приходится объединиться.

Сможет ли выстраданная ненависть уступить место опасному чувству, или этот вынужденный союз лишь подтолкнет их к краю пропасти, где любовь и смерть сплетаются воедино?

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Непокорная для Демона

Глава

Глава 1

Толпа визжала, разрывая перепонки.

— Давай, бей! Бей!

— Бей, бей!

— Мочи его!

— Дааааааааа!

На ринге в клетке сцепились двое огромных мужчин и просто метелили друг друга. Я чувствовала, как вибрирует пол под ногами от топота сотен ног. Запах пота, дешёвого парфюма и алкоголя ударил в нос, когда я встала, пытаясь выбраться из этой мясорубки. Боже, что я здесь делаю? По-косилась на Ирку и Матвея. Их глаза горели азартом, лица покраснелись. Они смотрели на ринг, как на самое захватывающее зрелище в мире. А я чувствовала, как внутри всё сжимается. Кровь на полу — чья-то чужая боль — оседала липким страхом в горле. И зачем я только согласилась? Сжимаю голову руками — всё, не могу больше. Кровь и убийства

— это не моё. Встаю, кричу друзьям, что я ухожу, но они полностью сосредоточены на ринге, не слышат меня.

Крики скандирующей толпы остаются позади. Да уж, классный сюрприз они мне устроили. Знала бы — заперлась бы у себя дома, желательно в подвале и сидела бы сутки. Ирка моя школьная подруга, живем по соседству. Матвей ее парень. А когда она утром позвонила поздравить с днем рождения, я черт меня дернул брякнула. Что отмечать нет желания, завтра еще годовщина родителей. Короче Ирка настояла, что мою молодость нельзя запираť в чулане и надо начинать жить дальше. Но когда спрашивала, куда пойдем, они ответили: «Сюрприз». Да уж, сюрприз удался!

На выходе я буквально впечаталась в стену. Нет, не в стену — в человека. А точнее в твёрдую грудь, пахнущую табакoм и железом. Я отшатнулась, подняла глаза и утонула в тени. Огромный, как шкаф. Лицо с грубыми чертами, тяжёлый взгляд, сжатая челюсть. Он схватил меня за руку — его пальцы обожгли холодом, хотя кожа была горячей.

— Ну наконец-то, — рыкнул он, и голос прозвучал низко, вибрируя в груди. — Давай, бегом. Босс у нас сегодня в гневе.

Пытаюсь вырваться из его хватки, но он держит железной рукой. Пытаюсь закричать, но лишь писк выходит из моего рта.

— Вы ошиблись, вы, наверно, меня перепутали.

— Угу, как же. Ты от Матвея, — не сбавляя шага, говорит

он.

— Да, — выдыхаю я, не думая.

Этого слова было достаточно. Я поняла это позже, когда меня втолкнули в кабинет и дверь за спиной захлопнулась с глухим металлическим звоном. До моего мозга только позже дойдет значение обычных букв «от» и «с». Вроде незначительные буквы, но именно они поделили мою жизнь на «до» и «после».

Мы останавливаемся возле железной двери. Стук, и тихое «Войдите». Меня проталкивают вперед. Я разворачиваюсь к двери и начинаю дергать ручку, пытаюсь уйти отсюда.

Кабинет утопал в полумраке. Единственный свет падал от лампы на столе, выхватывая из темноты контуры: массивный стол, кожаное кресло, тяжёлые шторы. Запах сигар и дорогого виски смешивался с мужским потом — резкий, пьянящий. Я услышала шум воды из соседней комнаты, и через мгновение дверь открылась.

— Ни хуя себе? Удивил Матвей ничего не скажешь. Рыжих у меня еще не было.

Передо мной стоит огромный мужчина в одних боксерах. Влажный, с капельками воды на коже. Тот, который меня сюда завел, по сравнению с ним кажется не таким уж и огромным. У этого не руки — кувалды. Мышцы вздрагивают и перекачиваются под кожей. Или это у страха глаза велики и мне так просто кажется. Свет падает на татуировки, покрывавшие его руки, переходящие на грудь. Взгляд обследу-

ет каждый уголок его открытого тела. Непроизвольно спускается вниз и натывается на те самые боксеры, которые оттопырены. Боженька, пусть это будет носок или полотенце. Пожалуйста. И этот «носок» начинает расти. Мамочка! Что со мной сделают здесь и сейчас — не оставляет сомнений.

— Ну что, налюбовалась? — голос такой ласковый, обволакивающий. И если закрыть глаза, то этому телу ну никак не подходит. Голос, вернись ко мне! Мне надо просто объяснить, что это ошибка.

Он сделал шаг ко мне, и я отступила, ударившись спиной о дверь.

— Пожалуйста, не надо. Вы, наверно, ошиблись.

— Не понял. Я, конечно, просил скромницу, но не до такой же степени. Ну ладно.

— Нет! Вы не поняли, я...

— Заткнулась на хрен! — рывкает он. Я даже дар речи теряю. Куда делся тот голос? От этого хочется слиться со стеной. Хочу закричать, но крик застревает в горле.

— И где только Матвей вас набирает. Не бойся не обижу.

Он резко подходит ко мне, сжимает в объятиях. Я чувствую жар его тела, запах его кожи. От него пахнет чем-то терпким, запах не противный скорее завораживающей. Он наклонился, коснулся носом моей макушки, глубоко вдохнул.

— Ты вкусно пахнешь. Не знал бы, что от Матвея, поверил, что чистая. Оставим лирику. Сама разденешься или

как?

Сжимает руками мои скулы, ведет нежно пальцами по щекам. Откуда в нем эта нежность? Скользит губами по щекам, останавливается на губах, но не целует. Нет. Говорит, и его слова — как пощёчины:

— Бля, первый раз поцеловать хочу. Но... Мало ли сколько членов ты обслужила этим ротиком.

Нажимает на плечи руками — без слов приказывает встать перед ним на колени. Опускаюсь. Смотрю на него снизу-вверх. Я в таком шоке, что даже слезы замерзают, не текут. Он навис надо мной, загородив свет. Его пальцы пахнут табаком. Морщусь, не люблю когда сигаретами пахнет.

— Ну что смотришь? Работай давай.

Двигает бедрами, указывая, что именно я должна делать. А я не могу — тело словно каменное.

— Да бля! Прибью утырка! — хватает меня за волосы, освобождает свой агрегат. Да, именно агрегат. Ведет по моим губам. — Рот открыла! Я. Сказал. Открыла!

И взгляд дьявола, выворачивающего мою душу наизнанку. Я отстранилась от себя. Вижу себя как со стороны: как я медленно открываю рот, а этот гад... Именно гад, причем красивый. Но не смазливый, нет. Это мужская красота, пугающая, но в то же время притягательная. И глаза его — черные, горящие, подернутые дымкой похоти.

Я же не такая. Я могу за себя постоять. Но не сейчас. Не с ним наедине. Страх сковал мои внутренности. Он принял

меня за шлюху — это факт! И спорить бесполезно. Он так решил! Ну трахнет он меня, потом же отпустит? Отпустит ведь?

— Язык высунь. Так. Прикрой зубки. Умница.

Его член проникает в мой рот. Давлю в себе рвотные позывы, чувствую его запах — мужской, резкий.

— Бля, совсем заглатывать не умеешь. Ладно, просто пососи.

Интересно, как? Если бы я умела. Сосу как чупа-чупс. Ну да, ничего такой чупсик. Он хватает мою руку, сжимает ею свой член, показывает, как надо. Я не знаю, сколько проходит времени. В голове одно: лишь бы живой отпустили. Хрен с ней, с честью. Переживу. А вот сестра одна останется. Думаю, только о том, чтоб живой уйти.

Он резко поднимает меня, срывает кофту, лифчик. Отбрасывает куда-то назад. Свет лампы падает на мою обнажённую кожу, и я чувствую, как холодный воздух касается груди, вызывая мурашки.

— Грудь натуральная. Кайф! Матвей не подвел, заебал этот силикон. — сжимает мои полушария, дергает за соски, щипает. Она у меня не большая, но аккуратная. Можно смело лифчики не носить. Обходит меня со спины, ударяет руками по ягодицам, сжимает. — А вот жопа зачетная. Давно я такие жопы не драл.

— Прошу вас... — но мне даже не дают договорить. Затякает рот рукой.

— Ну хватит мне тут невинность разыгрывать, надоело!

Расстегивает джинсы, сдирает их вместе с трусами. Подводит меня к столу, нагибает. Холодная столешница касается моего живота, груди. Металл обжигает холодом. А он как будто заиклился на моей заднице. Сжимает, сминает, кусает ягодицы. Рычит, шипит. Он что, Ганнибал? Сожрать меня решил? Прогибает меня сильнее, я уже расплющена на этом столе. Трет мой клитор, плюет на пальцы, растирает меня. Господи, только вытерпеть. Помоги мне.

Головка прижимается ко мне, входит туго. Чувствую тупую боль, которая пронзает низ живота. Я сжимаю зубы, впиваюсь ногтями в столешницу.

— Бля, какая ты узкая. Расставь ноги. Да вот так!

Как только выполняю, он тут же врывается в меня. Раздирая на две половинки. Между ног жжет, не могу сдержать крика. Слышу его тяжёлое дыхание над ухом, чувствую его руки на своих бёдрах — пальцы впиваются в кожу, оставляя синяки.

— Ты че, целка? — и тут же добавляет: — Зашитая что ли?

Вот что ему сказать? Что я девственница и члены только на порно картинках видела? Глотаю слезы. Думаю, только про сестру: как она без меня выживет? Он двигается во мне как поршень, его дыхание становится всё тяжелее. И тут дьявол замирает, вжимается в меня, дышит тяжело, даже стонет.

Стук в дверь заставляет его выйти из меня. От боли заку-

сываю губу до крови. Металлический вкус отрезвляет, выводит из ступора.

— Вот бя, да ты горячая девочка. Даже гандон порвался. Ладно, сам скажу Матвею. Иди в ванную. Пока что.

Хлопает меня по заднице. А я собираю свои вещи и бросаюсь в указанном направлении. В ванной пахнет им. Закрываюсь, только вряд ли хлипкая дверь выдержит, если зверь захочет войти. Натягиваю трусы. Между ног печет. Дальше джинсы, лифчик. Черт где лифчик? Да бог с ним, натягиваю кофту. Действую на адреналине — даже боль притупляется. А в это время за стеной слышу глухие удары. И крики. Замираю.

— Марат блять, ты прежде чем сука баб хватать и тащить лучше узнавай информацию.

— А эту куда?

Это они про меня? Сердце стучит так что в ушах шумит.

— Сам трахай! Я на трахался уже!

А через секунду — тихий стук в дверь.

— Эй, малышка, выйди. — Ага сейчас. Оглядываюсь, ищу хоть что-то глазами для обороны. А потом замираю, когда слышу его. — Пожалуйста.

Я молчу, даже не дышу. Но в его голосе я слышу что-то новое — не приказ, а просьбу.

— Не трону больше! — Правда не тронет или врет. Склоняюсь к тому что, если б хотели уже давно бы дверь выломали она вон на одном крючке держится.

И я быстро выхожу.

Он стоит уже в штанах. Спасибо хоть не голый! Свет лампы падает на его лицо, и я вижу, что в его глазах уже нет той похоти. Только растерянность.

— Ты это... — взлохмачивает волосы, резко отпускает их, смотрит прямо на меня. — Ты че, правда целка... была? — последнее слово тянет, и даже слышно сожаление в его голосе.

Я не могу ответить. Мои слезы наконец-то разморозились, потекли. Пытаюсь сдержать рыдания.

— НЕ РЕВИ, БЛЯ!

И его крик опять замораживает меня. Я тут же перестаю всхлипывать. Он молча достает со стола портмоне, вытаскивает пачку денег, сует мне в руку. Сколько здесь? Да я за месяц столько не зарабатываю.

— Вот, возьми. Извини. Ладно!

Что, серьезно? Это вот извинение? Он видит мой шок на лице, понимает все без слов.

— Да ты сама виновата! Ты че здесь забыла, а?

В голосе слышу стальные нотки. У меня на лице отупение. Не сразу понимаю, что отвечаю ему:

— Меня друзья пригласили. Сказали, будет весело. Вот убедилась. Веселье так и прет.

— Ну слава богу. Язычок-то у тебя острый, смотрю.

— Я могу уйти?

Он прищуривается.

— Ты понимаешь, что идти в полицию бесполезно?

— Я не дура. Такие, как ты... — Молчи, Лика. Просто молчи. Не нарывайся.

— Какие такие?

— Я могу идти? — Отвечаю вопросом на вопрос.

— Как зовут?

— А кто я теперь? — облизываю губы, задеваю ранку. — Шлюха! Устроит?

Он хмыкает, прикусывает губу.

— Не могу, хочу попробовать.

И он набрасывается на меня. Сжимает мою голову руками и впивается в губы. Поглощает их, оближивает, прикусывает. Его язык проникает внутрь, когда я охнула от неожиданности. Проходится по небу, языку, щекам. Это что — мой стон?

Отпускает резко. Отшатывается от меня.

— Иди! Марат проводит.

Я срываюсь к двери. А он закрывается в ванной.

Смотрю на деньги в своих руках. Смотрю на деньги, в своих руках. Замираю. Слышу звук льющейся воды. Гад. Оставляю их на столе.

Выхожу — вижу того же амбала. На скуле явный кровоподтек. Опускает глаза, не смотрит на меня. Обхожу его, бегу к выходу.

Хватает меня уже на улице.

— Я отвезу куда скажешь? — а сам в сторону смотрит.

— Спасибо. Уже проводил, — выплевываю зло слова.

Он смотрит впервые в мои глаза.

— Прости. Может, к врачу? У тебя что-то болит?

Вырываю руку. Отталкиваю его.

— Идите вы сами со своим боссом. Желательно к костолому, чтоб мозги вам на место вставил.

Боковым зрением вижу остановившееся такси. Бегу туда, ныряю в салон. Но Марат уже тут — смотрит на водителя. Протягивает ему деньги.

— Отвезешь, куда скажет.

Отворачиваюсь от него. Машина трогается.

— Поругались, что ли? — не сразу понимаю, что это водитель обращается ко мне.

— Ничего, померитесь.

Ага, как же. Только через мой труп я с ним помирюсь.

— На Ленинградку, дом 19, пожалуйста.

Обнимаю себя за плечи, сжимаюсь в комок. Вспоминаю его руки на своей коже, его дыхание, его голос. И плачу — тихо, чтобы водитель не услышал. Ухмыляюсь сквозь слёзы. Прямо хочется увидеть его рожу, когда он увидит моё послание.

Глава 2

Стою под холодным душем, улыбаюсь как идиот. Провожу кончиком языка по губам — там всё ещё остался её вкус. Сто лет баб... нет, не баб — девчонок. Да, девчонок не целовал, даже забыл, как это приятно. Запах её до сих пор на губах ощущаю. Клубникой от неё пахнет. Но не перезрев-

шей, а именно ещё только набирающей свою красноту. Сладкой, терпкой, свежей. Закрываю глаза — и слышу её дыхание, прерывистое, испуганное. И это заводит ещё сильнее. Сука. Девочку обидел, проехался по ней как танк. Да там в глазах ее зеленых можно все было прочесть. А я как ее увидел, завис и член стал мной управлять. Подумал еще идиот, где Матвей такую девочку нашел. А он и не находил это Марат придурок, первую попавшуюся схватил.

Марата прибить охота. Утырок, идиот. Как можно шлюх Матвея не узнать. Сжал кулаки — ещё что ли ему втащить. Таких, как она, надо защищать от этого мира, грязи, порока. А я ей член в рот засовывал. Ударил по кафелю — кафель крошился под моим ударом, холодные осколки впились в кожу. Кожа лопнула, кровь пошла. Опять костяшки разодрал. На ринг что ли выйти?

Вышел из душа, обмотался полотенцем, прошёл к шкафу. Достал бутылку, хотел уже глоток сделать — замер. Боковым зрением зацепился. Подошёл к столу. А потом засмеялся — от души. Моя девочка. Моя?

"Засунь их в жопу, урод" — нацарапала на клочке бумаги и рядом стопка баксов лежит. Гордая. Значит. Ну-ну.

Сжал записку в руке — нечего другим читать. Ведь за такое я должен её уже в землю закатать. Но я девочек не бью. Сука, девчонка ведь совсем! И что она здесь забыла? По ней же видно что она чистая. А пахнет как... ммммм... Клубничка моя. Моя?

Усмехнулся. Набрал Марата. Он тут же зашел.

— Проводил?

— Да.

— Где живёт?

— Она в такси села.

Приподнял одну бровь.

— Марат, бля.

— Демьян, не тронь её. Ну мой косяк, я перепутал. Пускай живёт.

— Я не понял, мы местами поменялись? Теперь ты у нас командуешь?

— Прости.

— Так, собери мне на неё все. И, Марат, инфа мне нужна ещё час назад.

— Понял.

Через десять минут я уже знал о ней все. Завьялова Анжелика Сергеевна. Живет с сестрой. Девочка больна. Чем? Мне не интересно. Девятнадцать полных лет. Недавно поте-

ряла родителей. Не закончила медучилище, работает в нашей больничке. В той самой, которую я спонсирую. Усмехнулся.

— Че её в клуб-то потянуло? — сам себя спросил, потер переносицу, но Марат ответил:

— С друзьями пришла. С Ириной и Матвеем. Поэтому, когда спросил, что она от Матвея, она «да» ответила. Испугалась наверно просто.

— Правда что ли?! — усмехнулся сам себе. — Так, ладно, сейчас домой. А завтра навестим мою девочку.

— Зачем она тебе?

Никогда он не позволял себе такого, но видно, тоже девчонка зацепила. Другому бы уже давно прилетело от меня, но ему я ответил:

— Извиниться хочу! Устроит такой ответ?

Он промолчал. А я сам не мог понять, зачем она мне.

Сел в кресло, затянулся сигаретой выпуская дым в потолок.

Зацепила она меня чем-то. Чем? А хрен знает, чем. Глазницами своими зелеными, волосами этими рыжими. Грудью, которая идеально смотрелась в моих ладонях... И мой теперь персональный фетиш — её задница. Я её сожрать хотел. Никогда жопы не целовал, а тут переклинило. Охуеть.

Как вспомню, как натягивал её и ягодичцы ходуном ходили — у меня аж встал. Никогда член мной не управлял, а тут одна мысль — и он встает. Пиздец, приплыли. Ещё к врачу ей надо, я ж её порвал, наверно. Она же девочка, а я — буйвол — со всего размаху по ней проехал. И тут же злость берет на себя, на нее. Вот какого хрена она сюда притащилась? Экстрима захотела? Не похожа она на посетительницу таких заведений. Ах да, она же с друзьями пришла. Я таких бы друзей от девочки держал бы подальше.

Ни чего займусь ее окружением.

Сука я ведь никогда насильником не был! Хули она не кричала, не отбивалась. Завтра подкачу, цветочки там подарю. Пару ласковых и растечется лужицей у моих ног. Они все такие! Сначала гордые, непреступные. Типо я не такая, жду трамвая. А сама сюда приперлась. Пришла сама, никто ее силой не тащил. Значит сама виновата.

Выскочила из такси, забежала домой. Дверь закрыла. Пройшла в комнату. Разбудила Ларису. Она соседка моя, с Милой мне помогает. Если б не она, давно бы по миру пошла, она и с работой мне помогла — в нашу поликлинику устроиться. Действую на автомате. Не думать, главное — не думать.

— Прости, Ларис, задержалась!

— Да ладно тебе, ну развлеклась хотя бы.

— Угу, — мычу в ответ. — Ладно, я в душ. Дверь захлопнешь.

— Куда хоть они тебя вывели?

— На бои без правил.

— Правда что ли? Ну и придурки.

— Еще какие. Сюрприз, млять, его налево.

Я схватила халат и полотенце, забежала в ванну. Чувствую, что я уже на грани: еще один вопрос — и разревусь. Сняла с себя одежду, засунула сразу в стиралку. Встала под прохладный душ. Вода стекала по лицу, смешиваясь со слезами. Между ног пекло, на внутренней стороне бедер кровь уже запекавшаяся. Провела рукой по половым губам и что-то нащупала. Вытащила... блин, кусочек презерватива. Он же четко сказал, что гандон порвался. Направила воду туда и, хоть было больно, вымывала его сперму. Еще не хватало забеременеть от дьявола.

И тут я поняла, что не выдерживаю. Истерика накрыла меня с головой. Села на пол, зажав рот рукой, чтоб малая не проснулась. Холодный кафель прижался к горячей коже,

и я задрожала — от холода, от страха, от всего. Почему это случилось со мной? Почему именно я? Что я сделала? Почему не кричала? Почему не позвала на помощь? Почему не сопротивлялась? Так много «почему» — и нет ни одного ответа.

Встала, вытерлась насухо. Лицо опухло от слез. Отлично. Хорошо, что завтра не моя смена. Представляю, если б пришла с таким лицом на работу.

Зазвонил телефон. Взглянула на дисплей — вот уж с ней никак не хотелось говорить. Сбросила звонок. И тут же смс: *«Ты где? Куда пропала?»*

Серьезно? Четыре часа прошло, а она только опомнилась. *«Я дома»* — написала в ответ и тут же отключила телефон. Иначе наговорю много лишнего. Да, я такая — вспыльчивая, сначала делаю, потом думаю. Поэтому, чтоб не наговорить лишнего, выключила его. Это я виновата. Во всем, что случилось, я виновата. Я не могу сейчас раскисать, мне о сестре надо думать. А о себе я подумаю завтра.

Утро встретило меня болью между ног. Тихонько заскулила. Взяла себя в руки, заглянула к Миле — она еще спала. Отправилась на кухню. Мельком глянула на календарь. *Двадцать третье мая.* Сердце сжалось. Сегодня ровно два года, как их не стало. Самый тяжелый день в году. А вчера

я пережила кошмар, который даже представить не могла. И теперь этот день навсегда станет еще страшнее.

«Сюрприз» удался. Я теперь свое день рождения на всю жизнь запомню.

Встряхнула головой. Нет, нельзя раскисать. Приготовила блинчики и яичницу. Запах масла, жареного теста — такой родной, домашний. На мгновение он вернул меня в детство, когда мама стояла у плиты и улыбалась.

— Лииик.

Мила проснулась, моя принцесса. Подняла ее на руки, отнесла в ванну, подержала, пока она почистит зубы и умоется. Усадила ее за стол, в ее кресло. Пододвинула блинчики и улыбнулась. Она тоже улыбнулась и стала их уплетать.

Вернулась мыслями назад, когда были живы наши родители. Отвернулась к окну, быстро утирая слезы. Родителей не стало, а моя Милочка стала инвалидом. И все из-за того, что какой-то мажор сбил их на переходе. Мама погибла на месте — ей первой досталось. Отец попытался оттолкнуть Милу. Удачно, наверно, ведь она осталась жива. Он скончался по дороге в больницу. А Миле вынесли приговор: ходить она не сможет. А ребенку всего семь, ей бы в школу со сверстниками, а тут такое. А тому мажору — год условно.

— Лик, — вывела меня из раздумий малышка. — Ты сегодня опять на работу?

— Нет, только вечером.

— А мы в парк пойдем?

— Конечно, — улыбнулась ей.

На выходе из подъезда столкнулась с Алешкой. Он нёс запаха утреннего кофе и свежего хлеба из булочной за углом.

— О, привет, Лик. Давно не виделись. Помочь?

— Да, если не трудно.

Подняла Милку на руки, а он ловко провез коляску между дверей. На улице меня ждал еще один сюрприз. Я даже дышать перестала. Сжала крепче Милу и, старалась не смотреть на мужчину, который подпирал собой огромный джип. Какая машина — такой и хозяин.

— Лик, может, сходим куда-нибудь? — это уже Леша мне.

— Нет, Леш. Извини, ты же знаешь — у меня работа, — улыбнулась парню. Он попытался взять меня за руку.

— Лик, я же вижу, как тебе тяжело. Ты только скажи, я помогу...

— У нее уже есть помощник. Руки убрал от нее.

Голос Демьяна прозвучал низко, с металлической ноткой. Я вздрогнула от звука — он пробрал до костей, как холодный сквозняк. Боже, я даже глаза закрыла и начала дышать через

раз.

— Что вы здесь делаете? — процедила я.

— Лик, помощь нужна? — Леша все так же держал меня.

— Это тебе она сейчас понадобится, экстренно. Грабли от нее убрал, пока я их тебе не оторвал.

Этот сделает, я уверена. Выдохнула, открыла глаза и спокойно произнесла:

— Леш, правда. Иди, мне надо кое-что уточнить с моим... э-э-э... боссом.

— Это твой начальник что ли?

— Да. Свалил, — краткость, похоже, у него в крови.

Он молча проводил взглядом Лешу и перевел взгляд на меня, я крепче обняла Милу. Мужчина открыл заднюю дверь, достал огромный букет роз. Алые, бархатные, с тяжёлым, сладким запахом, который смешивался с утренней свежестью.

— Это тебе.

— Ни че се, Лика, — произнесла Мила.

— Не надо. Уезжайте.

— Анжелика давай поговорим.

— Минутку подождите.

Он замер, стоял и просто ждал, пока я усажу Милку в кресло и отвезу на детскую площадку. А я молилась чтоб он уехал, вот просто уехал и все.

— Марин, привет.

— Привет. К тебе, что ли?

— Угу. Слушай, посмотри за Милкой, пять минут.

Она засмеялась:

— А управитесь?

— А то.

Вернулась к нему. Шаги и так давались с трудом, но я упрямо шла вперед. Чем я думала в тот момент — не знаю. Эмоции просто зашкаливали: мне убить его хотелось или букетом этим по морде его холеной отхлестать. Стоит, улыбается во все тридцать три. Взяла букет и выбросила в ближайшие кусты. Розы упали в пыль, лепестки осыпались на серый асфальт.

— Слушай сюда, босс. Ты че прицепился ко мне? А? Извиниться так хочешь? Хорошо. Исчезни на хрен из моей жизни — и я тебя прощу. Договорились?

Лучше б я на него не смотрела. Он бросил взгляд на валяющиеся цветы, перевел на меня. В глазах только молний

не хватает. Взглядом можно убить? Можно. Я уже убита.

— Так значит! Гордая! Я же по-хорошему хотел. Я ж тебя уничтожу, сама прибежишь и ноги раздвинешь. Только ты мне уже на хрен не нужна будешь. Последний раз предлагаю: подними букет.

— Нет! — и слезы уже подступают.

— Я. Сказал. Подними. Эти. Гребанные. Цветы.

Похоже, дьявол сидел не только в нем, но и во мне. Я достала эти гребанные цветы. Он расплылся в улыбке — и она тут же померкла, когда я шваркнула их на асфальт и стала топтать. Лепестки разлетались под моими кроссовками, смешиваясь с пылью.

— Нет. Нет. Нет.

Он ничего не сказал. Сел в своего монстра, и машина сорвалась с места. Я смотрела вслед, чувствуя запах выхлопных газов и раздавленных цветов. В груди пустота и дикая, выворачивающая боль.

И именно с этого дня моя жизнь превратилась в ад.

Глава 3

Я сидела на кухне и смотрела в пустоту. Месяц подходил к концу, а у меня заканчивались деньги. Те копейки, что давало государство на Милку, едва хватало на лекарства. В воздухе витал запах дешёвого пакетированного чая и сырости

из подвала — он вёлся в стены, в одежду, в самую мою кожу. Меня уволили с работы. Причина? На мои вопросы все отворачивались и поджимали губы. Мало этого — меня даже в подъезды не брали мыть, я даже сунулась на рынок. И НИХ-РЕ-НА.

Тихонько заплакала, чтоб не разбудить Милку. Слёзы были солёными, горячими, они обжигали щёки. Я прокручивала в голове тот день раз за разом. Ну что мне стоило взять эти чертовы цветы? Вот что? Долбаная гордость. Вот что!

Из раздумий вырвал дверной звонок — резкий, пронзительный, он прорезал тишину, как нож. Даже не посмотрела в глазок, открыла. В дверях стоял Марат. От него пахло табаком и уличным холодом. Хотела захлопнуть, но он не дал. Распахнул дверь и тихо произнес:

— Надо поговорить.

И, не дождавшись моего ответа, вошел и захлопнул за собой дверь. Звук глухого удара разнёсся по коридору.

— Не хлопай так, ребенок спит.

Он тут же перешел на шепот:

— Прости. Мила уже спит?

Я даже не стала интересоваться, откуда он знает ее имя. Просто молча пошла на кухню. Старый линолеум скрипел под ногами, в воздухе витал дух безысходности.

— Чаю?

— Давай.

Я налила пакетированный чай и, поставила перед ним.

Кружка была горячей, обжигала пальцы, пар поднимался к потолку. Я отдернула руки и схватившись за ухо, произнесла.

— Прости, конфет нет.

— Я об этом и пришел поговорить.

— О чем, о конфетах? — хмыкнула я.

— Лик, ну сходи ты к нему. Ну попроси прощения. Не убьет он тебя. Ты его просто задела. Хочет он тебя до трясушки. Сам никогда не придет первый извиняться.

— Тебя что ль прислал, чтоб научил уму-разуму?

— Он гордый. Знает, что тебя ломает, знает, что тебе хреново, но он принципиальный. Лик, в этом мире нельзя прогибаться. Почувствуют его слабинку — и сожрут. Ну ты же умная. Приди, поплачь, попроси прощения.

Я села напротив него. Отхлебнула чаю — горячий, терпкий, он обжог горло, но согрел. И что-то резко голова закружилась. Тряхнула головой, беря себя в руки.

— Даааа. А за что мне извиняться? За то, что он меня изнасиловал? За то, что денег сунул, как шлюхе какой-то? «На вот, мол, тебе за причиненные неудобства». А потом пришел он с цветочками, блин. Мне что надо было лужицей растечься перед ним? Спасибо ему сказать? Что он вообще ко мне прицепился? У него же полно таких. Что его на мне-то заклинило? Видел один раз всего — и что? Воспылал чувствами?

— Может, и влюбился, откуда я знаю! Взяла бы цветочки — и все было бы нормально.

— Видел, да?

— Конечно, видел. Я аж сам офигел. Ладно бы я один был, так там еще и Вадим был.

— Это кто?

— Не важно. Главное, что ты унизила его при его людях. Такого в нашем мире не прощают.

— А изнасилование — значит норма, да?

— Это я виноват. Признаю, идиот. Прости меня.

Я схватилась за голову. Пальцы впились в волосы, я сжала их так сильно, что заболела кожа. Меня мутило, голова стала как ватная, во рту горечь — кислая, противная. Комната начала плыть, а предметы стали терять чёткость.

— И что ты пре... — но я не договорила. Провалилась во тьму.

С утра заехал в цветочный. Никогда бабам цветы сам не покупал, а тут захотелось. Лично купить и подарить. Стою, жду возле подъезда — знаю уже, что сейчас выйдет. Мой человек от звонился, сказал, на прогулку собирается. И тут — опачки! Какой-то дрищ мою девочку лапает. Да, клубничка, ты права, теперь я твой босс.

Смотрю, как она сеструху свою везет, а сам на ее заднице опять завис. Облизнулся, штаны поправил. Ну все, точно пиздец. Только взгляд — а он стоит. Сука. Выкинула цветы. «Свалил на хрен»? Правда что ли? Рыкнул на нее. Подняла. Умница. Ни хрена себе. Даже я опешил. Молча сел, Вадим

что-то вякнул.

— Заткнись, блядь, я сказал! — рывкнул я. — Марат, уволить ее сегодня же. Куда бы ни пошла — звони и говори, чтоб не брали. Сама приползет.

— Демьян, может...

— Я блядь что сказал?!

— Понял.

Две недели прошло, а эта гордая не идет. Такая же блядь, как я. В говне будет захлебываться, но ни хрена не прогнетсЯ. Может, именно этим и зацепила. Остальные по щелчку пальцев выполняют любую мою команду. Покажи только кошелек. А эта? А у этой по щелчку получается только мой член поднять. И эта сука так бесит.

На спарринг ко мне уже никто не выходит — боятся. Даже после пары боев не отпустило. Крутит. Жилы выворачивает. Убить ее хочется. И в то же время сижу и думаю, как она там, бедная. Голодает? Деньги-то у нее заканчиваются. Как долбаный сталкер, за ней следил. Ждал, что одумается, ко мне придет. Видел, как она свои копейки считала и на последние деньги купила конфет своей мелкой. Похудела. Одни глазищи.

Выдрать бы ее за гордость эту тупую. А сам я типа не тупой? Нет, мне нельзя. Один раз слабину дашь — и шакалы сбегутся. Нельзя мне показывать слабость. Скажут: «Демон перед дыркой растекся». Сука. Да растекся бы — перед такой не стыдно.

Хотел выйти уже, но Марат позвонил: проблемы в клубе. А она уже в подъезде скрылась.

Месяц, а она даже не дернулась в мою сторону. И чем только цепляет она меня? Приворожила она меня, что ли? Точно приворожила. Ведьма рыжая. Глаза эти зеленные ведьмовские. Точно ведьма!

Сам же ржу с этих мыслей. Ломает меня без нее, пиздец как ломает. Просыпаться с ней под боком хочу. Видеть ее рядом с собой хочу — на мне, подо мной.

Все, хватит! Поиграли — и будет.

— Марат.

— Да.

— Съезди к этой... Растолкуй ей там.

— К Лике, что ли?

— Нет, блядь! Конечно, к ней! Идиотка. Скажи, не трону. Но пусть сама придет. В клуб, чтоб видели. Короче, ты ж не идиот.

— Понял. А если не пойдет?

— А не пойдет... В багажнике привезешь! — рявкнул на Марата.

И вот теперь сижу и жду, когда Марат от звонится. Уже два часа прошло. Что он ей там, все разжевывает что ли? Звонок.

— Ну, что она сказала?

— Демьян... Тут это... Короче...

— Не тани ты блядь резину.

— В больнице она, в нашей. Я ее привез.

— Чего? Что с ней? — я уже ору в трубку.

— Похоже, она беременна.

Мне как обухом по голове. И мысли в тот вечер возвращаются. Ведь и правда презик порвался. А я и забыл уже об этом.

БЕРЕМЕННА. БЕРЕМЕННА. БЕРЕМЕННА.

Набатов по голове. Слышу, что Марат еще что-то говорит.

— Чего?

— Я говорю, ее врачи оставили. Сказали — нервное истощение. Я ее в твою палату поместил. Двоих оставил рядом. Сейчас за сестрой ее еду.

— Молодец. Сестру ее ко мне домой вези. Там воздух свежий и места больше, — говорю на автомате.

Выхожу и тут же сталкиваюсь с Рамазаном. Вот только его сейчас не хватало. Киваю своим, чтоб не дергались.

— Демьян, а я к тебе.

— Да? По поводу?

— До меня тут слух дошел: девочке одной житья не даешь. А она, говорят, послала тебя.

Вот гнида, все знает. Скалюсь в ответ:

— Да не верны твои источники.

— Да? Странно. Раз она тебе не нужна, я ее себе заберу. Видел ее тут на днях — красивая девка.

А вот это ты зря. Кулак и его физиономия встречаются мгновенно. Валю его, только кровь перед глазами.

— Урод, ты о моей жене так говоришь!

Нас растащили. Рамазан кровь сплюнул, ухмыльнулся.
Сука.

— Жену, говоришь? Так бы сразу и сказал, что строптивцу проучить решил.

— Я что, блядь, перед тобой отчитываться должен?!

— Успокойся. Все. Жена так жена. Только когда ты женился-то?

— Месяц назад! — бросаю в ответ.

Быстро сажусь в машину, набираю Марата.

Рамазан.Сука. Теперь надо быть на стороже. Мы и так ненавидели друг друга. Терпели только. А ведь раньше друзьями были. Надо девочек своих спрятать.

— Охрану в доме усиль. Сам всем занимайся. Только тебе доверяю. Я за Ликой.

— Что случилось-то?

— Рамазан, сука, случился.

Вхожу в палату. Запах лекарств, антисептиков, стерильной белизны — резкий, больничный. Моя малышка спит. Лицо бледное. Подошел, поправил одеяло. Наклонился, вдохнул запах ее. Клубничка моя. И все демоны перед ней на задние лапки встали. В дверь вошел Виктор — главврач больницы. Шестьдесят лет старику, а выглядит молодцом. Показал ему, чтоб молчал, и глазами на дверь указал. Вышел, прикрыл дверь.

— Вить, что с ней?

— Че-че. Вот, Демьян, ты парень умный, но такой идиот.

Ты до чего девочку-то довел? Чего этим добился-то?

Хмыкнул:

— Марат настучал?

— Ну должен же я знать, что с моей пациенткой. Так слушай: ей покой нужен, свежий воздух. Вот список витаминов,

— протянул рецепт.

— Ее можно передвигать?

— Ей бы, конечно, полежать денька три. Но, зная тебя...

— Короче, я могу ее забрать?

— Да.

Киваю ему, пожимаю руку. Отдаю список одному из своих людей и отправляю в аптеку.

Аккуратно наклоняюсь к Лике, она глаза приоткрыла и прошептала:

— Кто бы сомневался. Сам дьявол за мной пришел.

И опять отключилась. Улыбнулся.

Всю дорогу до дома держал ее на руках. Смотрел на ее умиротворенное лицо и не мог понять, как за такое короткое время она залезла мне под кожу и обосновалась там. Сначала хотел отнести ее в соседнюю со своей комнату, но передумал. Моя девочка будет спать со мной в моей постели.

Уложил ее. Спустился вниз. Из кухни доносился детский

смех. Зашел. За столом сидела моя домработница и кормила Милу кашей.

— Давай ешь! Худющая совсем!

— Тетя Маша, я не могу больше, у меня сейчас живот лопнет. А можно мне яблоко и банан? И это... это что?

— Киви, — говорит женщина и смотрит на меня.

— А че он волосатый? Ой, здрасьте! — Мила увидела меня.

— Привет, Мила. Поела?

— Да, спасибо. А это ваш дом?

— Да.

— А что мы теперь здесь жить будем?

— Да.

— А Лика где?

— Наверху, отдыхает.

— Да, пусть поспит. А то она все плачет и плачет. Думает, я не вижу.

В глазах девочки такая боль. И я чувствую себя последним ублюдком. В кухню вваливается Марат с пакетом в руках.

— Вот, держи, это тебе.

Достает из пакета куклу Барби и протягивает Миле. У девочки глаза в пол лица становятся.

— Дядя Марат, это мне?

— Ну да.

— Спасибо! — берет куклу, кладет на колени. Дергает его за рукав. Он наклоняется к ней, а она обнимает его своими

худенькими ручками. — Спасибо!

— Марат, ты мне нужен в кабинете.

Он идет за мной. Закрываю дверь.

— Привез?

Сразу перехожу к сути дела.

— Да. — кладет передо мной свидетельство о браке.

Улыбаюсь широко.

— Человек проверенный?

— Да. Скажет, расписались в тайне.

— Отлично.

— Зря ты ему в морду дал.

— Да знаю я. Но меня как переклинило. Я как узнал, что он видел ее — все, блядь, мозг отключился. Убил бы его, если бы не оттащили.

— Ты ж понимаешь, за ней теперь охотиться будут. Да про тебя уже слухи пошли, что у всемогущего Демона появилась ахиллесова пята. А если они узнают, что она беременна?!

— Я знаю. Но я не я, если не отстою свое. Любому за нее глотку порву.

Как ты не вовремя появилась в моей жизни, девочка моя! Но маховик уже запущен, и его не остановить.

Глава 4

Сознание возвращалось медленно. Как сквозь густую вату. Сначала я почувствовала запах — незнакомый, дорогой. Дороже, чем я могла себе позволить. Пахло деревом, полированным дубом, свежестью дорогого текстиля и чем-то

мужским. Дорогим одеколоном или гелем для душа — терпким, с нотами кожи и табака. Запах знакомый. Потом — звуки. Тишина. Не та тишина, к которой я привыкла в своей маленькой квартирке. Абсолютная. Ни скрипа половиц, ни шума машин за окном. Только где-то далеко за стеной звенит чей-то голос. Детский. Звук за хлопнувшийся дверцы автомобиля, звук двигателя. А потом тишина.

Мила.

Я дернулась, попыталась вскочить — и тут же схватилась за голову. Череп раскалывался, как будто внутри стучали молотки. Во рту горечь — сухая, противная. Тело было ватным, будто меня переехал грузовик. Оглядываюсь. Да эта комната как вся моя квартира. Огромная кровать с шёлковым бельём, высокий потолок с лепниной, тяжёлые шторы, не пропускающие свет, мягкий ковёр под ногами. Воздух прохладный, но не холодный — кондиционер работал бесшумно.

— Проснулась!

Оборачиваюсь и вижу женщину лет пятидесяти. Короткая стрижка, доброе лицо, лёгкая улыбка. На ней светлый домашний костюм, в руках поднос с чашкой. От чая шёл пар и запах трав — успокаивающий, тёплый. Киваю ей.

— Здравствуйте! А вы кто?

— Меня зовут Мария Владимировна. Демьян Богданович отъехал и попросил показать тебе всё. Ты как себя чувствуешь? Тебе сюда завтрак принести или вниз спустишься?

— Демьян Богданович... Это... Так стоп! — пытаюсь

свои мозги в кучку собрать. — Я не могу здесь находиться, мне домой надо, у меня сестрёнка дома одна.

— Ты о Миле. Хорошая девочка, жаль только такое несчастье. Демьян Богданович как раз её на приём повёз, чтоб узнать, можно ли её на ножки поставить.

Господи, у меня сейчас мозг взорвётся от нехватки информации. Я в каком-то вакууме. Где-то в подсознании проскальзывает мысль, что я у демона. Но я заталкиваю эту мысль. Пусть это будет не правда! Блин, да я даже в единогого готова поверить, в переселение тел, только пусть я буду не у моего кошмара в гостях.

— А где этот ваш...

Открывается дверь, и в проёме появляется Марат. На его лице — тень вины, он опускает глаза, разглядывая носки своих ботинок. А я мотаю головой, не веря. Да, я в аду. И заправляет всем демон! Значит, мне не приснилось, что он приходил. А ещё я вспомнила слова врача. Я беременна!?

Касаюсь живота двумя руками. Ладони тёплые, кожа под ними чуть натянута, но пока ещё плоская. Глажу, смотрю на этот плоский живот. Я беременна! Только сейчас замечаю, что я в мужской рубашке. Белая, шёлковая, огромная на мне. Его рубашка. Его запах — смесь дорогого парфюма, табака и чего-то терпкого, мужского — обволакивает меня. А я чувствую, что меня сейчас вырвет. Слишком резко вскочила. Зажимаю рот. Тётя Маша показывает мне рукой без слов на дверь. Бегу туда и склоняюсь над унитазом. Меня выво-

рачивает — желчью.

Умываюсь и сползаю по стенке душевой кабины. Стекло холодит спину, вторая стена — тёплая, как и полы. Отопление работает. Я сижу на полу, обхватив голову руками. Пальцы впиваются в волосы, царапают кожу головы. Так, ладно, разбираться надо с Демоном. Я даже кличку уже ему дала. Мне плакать надо, а меня на ржач потянуло — истеричный, нервный смех прорывается сквозь слёзы. Стоп! Надо просто нормально поговорить. Марат сказал, что он адекватный. Ведь он адекватный?

Выхожу из уборной и сталкиваюсь глазами с Маратом. Он стоит у двери, скрестив руки на груди, но его плечи напряжены. Он ждёт.

— Всё нормально?

— Нормально!? — да ни фига со мной не нормально. Я проклинаяю тот день, когда вошла в это чертово заведение. Моя жизнь была нормальной. Размеренной и тихой. Я слышу стук собственного сердца — так и тахихордию заработать недолго.

Мария Владимировна тихо выставила Марата за дверь и положила на край кровати лёгкое голубое платье, нижнее бельё и балетки. Ткань мягкая, струящаяся, приятная на ощупь. Она пахнет лавандой и свежестью.

— Вот, переодевайся и спускайся вниз. Тебе покушать надо. Одни глаза остались.

— Спасибо надо сказать Демьяну Богдановичу за моё со-

стояние, — шепчу я себе под нос, но, похоже, она услышала мои слова. Ничего не сказала, просто тихо вышла за дверь, бесшумно прикрыв её за собой.

А я? А что я. Быстро сходила в душ. Вода тёплая, расслабляющая, но я тороплюсь. Оделась в то, что дали, и спустилась вниз с твёрдым намерением поговорить со своим тюремщиком. Ключевое слово тут — нормально! Но это на словах просто сделать: представить воображаемого Демьяна и поговорить с ним. А на деле?

А на деле я уже минуту сидела перед ним в кабинете и собирала мысли в кучу. В кабинете пахло старой кожей, деревом и дорогим коньяком. Массивный дубовый стол, кресла с высокой спинкой, книжные шкафы — здесь даже воздух казался тяжёлым. Он тоже молчал, ждал, что я скажу. Ведь это я предложила ему поговорить наедине. Ещё два часа назад я репетировала речь — и это было так просто. А сейчас мои мысли разбежались в разные стороны.

Он сидел в кресле за огромным столом, вертел в руках телефон, а я не могла отвести взгляд от этих рук. Пальцы длинные, сильные, с заметными венами и сбитыми костяшками. Воспоминания лавиной обрушились на меня. Как он сжимал меня этими руками, зажимал мне. Дыхание перехватило. Он опустил глаза на свои руки, потом перевёл взгляд на меня — поймал мой страх.

Наверное, он всё понял по моему взгляду. Кинул телефон и убрал руки на подлокотники, тем самым спрятав их от ме-

ня. Кожа кресла скрипнула под его весом.

— О чём хотела поговорить, клубничка?

— Что? — блин, Лика, соберись!

— Ты сказала, нам надо поговорить. Ну.

Как будто это так просто. Я набрала побольше воздуха, собрала мысли в кучку и затараторила:

— Во-первых, я хочу извиниться за свой поступок. Но меня тоже можно понять, я была еще в шоке от произошедшего. — Пиздец, извиняюсь за то, что меня изнасиловали! — Я не должна была так поступать. Мне очень, очень жаль.

Как только произнесла последние слова, перевела взгляд ему в глаза. Еще и руки в молитвенном жесте для пущего эффекта сложила. Он молчал, только слегка кивнул. Мол, угу, извинения приняты. Козёл. Он сам извиняться передо мной будет? По-видимому, нет.

— И во-вторых, — продолжила я, так и не дождавшись от него ответа. — Спасибо вам за гостеприимство. Но я хотела бы вернуться домой. К своей прежней жизни.

Опять в глаза ему смотрю. А эта скотина только ухмыляется.

— Закончила? — опять этот спокойный, убаюкивающий голос. — А теперь послушай меня. Наше знакомство было необычным, можно так сказать, и привело к неким последствиям.

Я фыркнула:

— Ага, знакомство, блин. Да вы даже не представились.

— Я был занят другим! Я продолжу? — он у меня что, разрешения спрашивает? — За которые я теперь в ответе. Ты не можешь покинуть этот дом. Только если со мной или охраной. Но тебе не нужно его покидать, чтоб не подвергать свою жизнь опасности.

Голова закружилась. Из всего перечисленного я поняла одно: извинений я не дождусь. И я остаюсь здесь.

— Я что, пленница? — голос срывается. — Я никому ничего не расскажу, просто дайте мне спокойно уйти.

— Клубничка, ты и твоя сестра останетесь здесь.

— Меня Лика зовут.

Злость уже накапливается во мне, а он какой-то непрошибаемый.

— Я знаю, как тебя зовут. Но мне нравится так тебя называть. Привыкай!

— Привыкать! Да черт возьми, я не хочу привыкать! Я просто хочу забыть весь этот ужас, связанный с тобой. Я просто забуду.

— Лика, а ты не забыла случаем, что ты беременна от меня?

В его голосе появились стальные нотки. И мне бы заметить их, притормозить, но куда там — меня понесло.

— Я знаю, что я беременна. Это тоже можно решить...

— И как ты собралась это решать?! — заорал он, вскаки-

вая с кресла. Нас разделял только стол. Но я не сомневалась: если б он захотел, то стол его не остановил бы. Сказать слово «аборт» у меня язык не поворачивался. — Я думаю, тебе не нужен этот ребенок, ты его не хочешь.

— А давай, детка, думать буду я! Ты уже наворотила дел выше крыши.

Вот это да! Офигеть! И что я успела наворотить?

— Я? Да что я сделала-то?

— Надо сначала думать, а потом делать! Вот чего! Своими поступками ты привлекла внимание не нужных людей. Так, все, хватит! Ты беременна и будешь жить здесь. Я все сказал.

— Какие поступки? Я ничего не сделала!

— Вот именно что ничего!

— Это все из-за цветов? — полцарства отдам за машину времени.

Он лишь скрестил руки на груди.

— Ты беременна!

— Так стоп! Это какой-то сюр! Я не виновата, что забеременела от тебя! Это ты виноват! — у меня чувство, что я разговариваю со стеной. — Ну конечно, просто гениально! У вас, у мужиков, всегда виноваты женщины.

— Да ты виновата! Шляешься там, где тебе не положено! Малышка, послушай. Да, я накосячил, признаю. Был не прав. Но сейчас по факту: ты беременна. Ты моя жена. Просто прими это.

Он что, типа так извиняется? Э, нет, стоп!

— Я что? Я твоя жена?! Когда это я интересно успела ей стать?

Он молча придвинул ко мне свидетельство о браке. Пробежалась по строчкам и замерла.

Багирова Анжелика Сергеевна.

ОХРЕНЕТЬ! Кто-нибудь, ущипните меня!

— Это не правда! Скажи мне!

Он только молча смотрит на меня и ни слова не говорит.

— Скажи мне! — кричу я. — Что ты так пошутил! Я не хочу быть твоей женой, я видеть тебя не могу! Как мы жить то будем вместе. Я тебя не навижу.

Я кричу, а он молча смотрит на меня. Неуловимое движение и я дергаюсь, замираю. Демьян лишь стакан с коньяком в себя опрокинул.

— Демьян, ответь мне, черт возьми!

Он со стуком ставит пустой стакан на стол и припечатывает.

— Я все сказал! Только так я могу защитить свое.

— Демьян, пожалуйста, я перееду в другой город, если хочешь — страну. Ну что мне кто-то сделает? Я ведь никто.

Слезы ручьем потекли по моим щекам. Горячие, солёные, они обжигали кожу. А у него ни один мускул не дрогнул. Вот что он за человек.

— Что тебе сделают? Хорошо, послушай. Проявив к тебе интерес, я подставил тебя. Признаю. Был не прав. Случились последствия — ты забеременела. С этим теперь ничего не

сделать. Чтоб досадить мне, они начнут с тебя. С твоей сестры. Продадут в бордель. Тебя, ее — им будет все равно, лишь бы сломить меня. Могут пустить по кругу. Объяснить, что это такое. Вижу по глазам, понимаешь меня. Дальше рассказывать?

— Не-не-надо. Но я тебе никто! Почему, если у них проблемы с тобой, пострадаю я и моя сестра?

— Ой, бля. Как с тобой сложно-то. Клубничка, вылезай из розовых облачков, где пони какают волшебной радугой. Ты моя! Принадлежишь мне! Все, кто хочет мне досадить, церемониться с тобой не будет. Защитить я тебя смогу только если ты будешь слушаться меня.

— Да откуда ты вообще свалился на мою голову! — перебиваю его. — Я понимаю, что твой мир жесток, но я-то каким боком сюда попала? Так защищают только любимых и дорогих людей! Ты что... Да нет, не может быть!

Его аж перекосило от моих слов. Ну вот, хоть какие-то эмоции, а то я думала, он совсем непрошибаемый. От его крика я аж подпрыгнула и захотела слиться с полом.

— ТЫ БЕРЕМЕННА ОТ МЕНЯ! ТЫ НОСИШЬ МОЕГО НАСЛЕДНИКА! ТЫ МОЯ ЖЕНА!

Все. И этим все сказано. Я беременна от дьявола. Его враги теперь и мои враги. За что это мне все? Где я согрешила так, что расплачиваюсь теперь за это?

Я замолчала. Слова застряли в горле. Он не шутит. Он вообще никогда не шутит. Я поняла это по его глазам. Спорить

с ним бесполезно. Абсолютно бесполезно. Я здесь. Я его жена. Я ношу его ребенка. И от этого никуда не деться.

Остался только один вопрос. Самый страшный.

— Как твоей жене... мне надо будет спать с тобой? — я произнесла это так тихо, но он услышал.

— Если сама захочешь!

— Я не хочу! — быстро ответила я, зажмурившись.

— Не хочешь — как хочешь. Принуждать не буду. Шлюх немало, найду любую, по щелчку ноги раздвинут, — зло выплюнул он.

Я видела, как дернулся его кадык. Он сказал это слишком зло. Слишком быстро. Будто убеждал не меня, а себя.

— Вот и отлично! Иди ищи, может, твои враги на них переключатся, а меня оставят в покое. И спать я буду отдельно. И хочу, как можно реже с тобой встречаться.

— Все! Высказалась.

Я кивнула.

— Разговор окончен. Иди.

Ну вот и все. Демон устал. Аудиенция у короля окончена.

Выскочила из кабинета, хлопнув дверью. Дверь тяжелая, дубовая — она глухо ударилась о косяк. И тут же вспомнила, что он сказал про хорошие новости о Миле. Тут же открыла дверь и заглянула в кабинет. Демьян стоял возле окна. Рубашка расстегнута — я видела его голую грудь, татуировки, перекачивающиеся мышцы. Галстук и пиджак валялись на полу. Он пил прямо из бутылки — горлышко коснулось его

губ, и янтарная жидкость скользнула в горло.

— Я тут...

— Блять, Лика! Ты издеваешься, что ли?

— Я про Милу хотела спросить. Ты сказал, что есть хорошие новости.

— Да. Врач сказал, что есть шанс поставить ребенка на ноги. Нужна операция. Я все устрою. Все, иди.

— Но...

— Я сказал: ИДИ!

Я хотела сказать спасибо. Но он уже отвернулся к окну, и его плечи напряглись. Он ждал, когда я уйду. Я вылетела за дверь, и за спиной раздался грохот, мат, и опять грохот. На фиг, нужно уходить быстрее отсюда.

Глава 5

Сажу на диване в гостиной и бездумно щелкаю пультом от здоровенной плазмы. На экране мелькают картинки — яркие, быстрые, бессмысленные. Свет от телевизора падает на стены, рисуя танцующие тени. А я битый час перевариваю информацию, полученную в кабинете.

Пять минут назад Милу вывела на прогулку Мария Владимировна. Я лишь улыбнулась и кивнула ей. Девочка что-то увлеченно рассказывала и активно жестикулировала. Ее звонкий голос ещё звучал в ушах, смешанный с запахом свежего воздуха, ворвавшегося в дом через открытую дверь. А я не могла выкинуть его слова из головы.

Милу можно поставить на ноги. У нас есть шанс!

Интересно, в какой больнице он был? В той, в которую я обращалась, меня интеллигентно футболили из кабинета в кабинет. Помню запах той поликлиники — дешевый антисептик, старая бумага и безысходность. Конечно, у меня же не было денег, на которые мне намекали.

Тоненький голосок внутри меня противно пищал:

«А сейчас есть! Давай, воспользуйся шансом. Он тебе должен. Некоторые свои целки на аукцион выставляют и нехилые бабки зарабатывают. А ты чем хуже? Хватит жить в дерьме! Пора вылезать, тебе такой шанс выпал. Ты даже не любовница — тебя сделали женой. А мог просто как инкубатор использовать: родила бы — и все».

Жена! Жена! Я его жена. Повторяю как мантру. Говорят, чем чаще повторяешь, тем сильнее в это верить начинаешь. А как его жена — интересно, какие я имею права? Вот какие?

Да никакие. Как сделал, так и разделает. Сижу, улыбаюсь сама себе. Все, кукуха куда-то поехала. Дергаю ногой, слышу, как стучит каблук о паркет — ритмично, нервно.

Мой новоиспеченный муж проходит мимо с полупустым стаканом. В стакане янтарная жидкость покачивается, отражая свет торшера. Ну хоть не из бутылки хлещет — и то хорошо. Не отвожу от него глаз, слежу за каждым движением. Он двигается с грацией хищника — плавно, бесшумно, каждое движение выверено. Он хозяин этой жизни, он знает, что он от нее хочет. И я, которая встала на его пути. Он просто

захотел меня. Одним глотком выпивает янтарную жидкость, и я вижу, как двигается его кадык, как напрягаются мышцы шеи. Ставит стакан на журнальный столик — глухой звук стекла о дерево разносится по тихой комнате.

Свадьбу нашу, наверное, отмечает.

Взгляд упал на мою левую руку. Пусто. Никакого кольца. А должно быть?

Он оформил брак, но даже не подумал о кольце. Или думал, но решил, что я не захочу его носить? Чувствую пустоту на пальце, и почему-то обида подступает к горлу. Глупо, конечно. Но кольцо — это хоть какая-то иллюзия брака. А тут даже иллюзии нет.

Он достает из бара коньяк наливает пол стакана. Надо бы сказать, что я не очень люблю пьяных, а от него вообще неизвестно, чего можно ожидать.

Ага, скажи. Давай попробуй. Он уже стоит и прожигает тебя взглядом. Я чувствую этот взгляд физически — он тяжелый, горячий, он касается моей кожи, оставляя невидимые следы. Бесится? Злится? Чем-то недоволен? Да что не так-то?

— Лика, хватит меня бояться! Сказал же, что ничего тебе не сделаю. Если сама не попросишь.

— Я не боюсь, — отвечаю быстро, но голос предательски дрожит.

— Ага! Ты кому-нибудь другому расскажи об этом. Как только я попадаю в твое поле зрения, ты следишь за мной

своими глазами олененка Бэмби, блядь. Даже сейчас сжалась вся. Одно мое движение — и ты готова стартовать отсюда куда угодно, лишь бы меня не было рядом. Что скажешь, это не так?

Я и правда вся сгруппировалась, соскользнула на краешек дивана и приготовилась бежать. Диван мягкий, кожаный — он скрипит подо мной. Но это на инстинктах. У меня страх перед ним — и его просто так не выкорчевать. Он сидит в каждом моем мускуле, в каждой клетке тела.

— А что вы... ты хотел. Я боюсь тебя. Мы с вами не на лугу с ромашками познакомились.

— А что, если б выебал тебя на лугу — не так боялась бы? Меня аж передергивает от его слов. По коже пробегает холодная волна.

— Ха-ха-ха! Как смешно. Мне смеяться? После слова «лопата»?

Он садится рядом. Я чувствую жар его тела, слышу его дыхание, чувствую запах — смесь дорогого парфюма, табака и коньяка. Отодвигаюсь. Он видит это, следит за мной. Но ничего не говорит, лишь качает головой. Я знаю, что отодвигаюсь на инстинктах, поэтому тараторю.

— Я просто запах табака не переношу.

И что это промелькнуло на его лице? Он что, улыбается?

— И алкоголь не очень уважаю.

Киваю на его стакан. Он молчит, смотрит на меня внимательно изучает. Усмехается сам себе, но стакан на столик

ставит, не пьет больше из него.

— Так лучше?

Я киваю, стараюсь расслабиться.

— Я хотела спросить у тебя.

Он лишь откидывается на диван и забрасывает руки за голову. Кожаный диван скрипит под его весом. Пальцы его рук на затылке, локти разведены в стороны.

— Слушаю.

— Как твоя жена — что я имею права делать?

— Все, что хочешь.

Я быстро облизываю губы, в горле пересохло.

— Я могу выходить из дома?

— Территория огромная, ходи где хочешь.

— Нет, я не про это. Я могу выезжать в город?

— А зачем?

— Встречаться с подругами, ходить за покупками, вернуться на работу или восстановиться в училище.

— Учебу пока отложим до лучших времен. Покупки? Их могут доставить прямо сюда, просто пиши список, что тебе нужно. Марат все доставит. А насчет подружек... Хуевые они у тебя, клубничка. Тебе напомнить, чем закончилась твоя последняя прогулка?

Наклоняется ко мне. Я чувствую его дыхание на своем лице — теплое, с запахом коньяка. Пытаюсь отодвинуться, но упираюсь в спинку дивана. Смотрит мне в глаза, и я взгляд не отвожу. Цежу сквозь зубы:

— Не надо мне ничего напоминать. Я помню.

— Клубничка, тебе заняться нечем. Займись ремонтом детской. Хочешь — во всем доме можешь сделать ремонт, поменяй мебель, обнови гардероб, — улыбается. — Ну или начни печь пироги. Дом в полном твоём распоряжении.

— Что, правда? Или ты так шутишь?

Он встает, поправляет часы на руке. Я слышу тихий щелчок металла, вижу, как играют мышцы на его запястье. Прячет руки в карманы брюк.

— Правда. И предвижу твой следующий вопрос: деньги не должны тебя волновать.

Он что, мысли мои читает? Только хотела спросить про деньги. Он уже собирается уходить, как я вскакиваю и хватаю его за руку. Кожа у него горячая, под пальцами чувствуется пульс.

— Демьян, я...

Он резко оборачивается, смотрит на мою руку. Я хочу ее убрать, но он не дает — берет в захват, перебирает мои пальцы. Его пальцы грубые, с мозолями, но движение мягкое. Каждое прикосновение отдается мурашками по всему телу.

— Что ты еще хочешь, клубничка? — от его голоса и прикосновений тело покрывается мурашками.

Освобождаю свою руку и тут же скрещиваю их на груди. Вижу, как он кривится от моих действий, но быстро возвращает невозмутимую маску на лицо.

— Я про операцию для Милы. Что тебе сказали врачи?

Потому что мне говорили: если и делать, то только за границей, и это стоит огромных денег.

— То же самое сказали и мне. В данный момент готовятся ее документы. Где-то через месяц Мила летит в Израиль. Лечение, операция и восстановление будут проходить там.

Израиль! Охренеть, я гуглила их больницы. Там цены такие — мама не горюй. Задаю вопрос, терзающий меня. Ведь не бывает все просто так — за все надо платить.

— Я не поняла, откуда ты вообще узнал про Милу? И про всё остальное.

Он смотрит на меня с легкой усмешкой.

— Клубничка, я хозяин этого города. Мне по статусу положено знать всё о своих жителях.

Я хмыкаю, чувствуя, как внутри поднимается злость на его самоуверенность.

— О бомжах тоже знаешь?

Он пожимает плечами, и его глаза на секунду становятся холодными.

— Конечно. Вдруг это скрытый снайпер.

Я фыркаю. И тут же задаю вопрос, который мучает меня больше всего. Ведь не бывает все просто так — за все надо платить.

— Мне... я... — блин, как сложно это сказать. — Мне надо будет спать с тобой в благодарность? Да?

— ЧЕГО?! — рычит он. У меня сердце уходит в пятки, в желудок падает камень, все внутренности скручиваются. У

него даже глаз задержался. — ТЫ ДУРА, ЧТО ЛИ?!

— Идиотка, блядь, — продолжает он негодовать, шагая к столу. — Пиздец. И откуда ты только свалилась на мою голову?

Он резко разворачивается, и я вижу в его руках маленькую бархатную коробочку. Сердце пропускает удар. Демьян открывает ее и не глядя выуживает кольцо. Массивное. Холодное. С бриллиантом, который слепит глаза.

— Это тебе. Носи. Будешь делать вид, что мы счастливая семья.

Он берет мою руку и надевает кольцо на безымянный палец. Металл холодный, чужой. Камень огромный, его видно в стратосфере, но в нем нет жизни. Ни тепла, ни смысла. Просто печать. Клеймо. Чтобы все видели — она принадлежит ему.

Я смотрю на свою руку. Кольцо слишком тяжелое. Оно давит, жмет, напоминает о том, что я теперь вещь в его коллекции. Лучше бы маленькое, скромное — но с любовью. А это... это как ошейник.

Он заметил мой взгляд. Усмехнулся.

— Нравится?

— Очень холодное, — тихо ответила я. — Как и его хозяин.

Он хмыкнул, но ничего не сказал. Просто развернулся и вышел из гостиной, оставив меня наедине с тяжелым бриллиантом на пальце.

И тут в гостиную влетела Мила. Прямо в обуви. Тётя Маша пыталась её остановить, но девочка уже обнимала меня за ноги. От неё пахло солнцем, свежим воздухом и детским шампунем.

— Лика! Там такой сад! И пруд! И качели!

Я улыбнулась. Впервые за долгое время.

— Правда?

— А дядя Демьян сказал, что теперь мы тут живём. И что он теперь твой муж. — она нахмурилась. — А разве мужья так выглядят? Он какой-то страшный... Тебя он не пугает?

Я рассмеялась. Искренне. Громко. Этот смех вырвался откуда-то из глубины, где ещё осталась та прежняя я.

— Пугает, — честно ответила я. — Но мы справимся.

Мила сжала мою руку своими маленькими пальчиками и серьёзно посмотрела на меня.

— Если он тебя обидит, я ему скажу!

Я притянула её к себе и уткнулась носом в её макушку. Волосы пахли солнцем и детством.

— Ты у меня самая смелая, Мил.

А в голове — опять его слова. *«Ты дура что ли»* Нет. Ну а что я могла подумать, что он помогает по доброте душевной. И это странное чувство, от которого хочется убежать.

Я ведь должна его ненавидеть. Должна! За тот вечер. За унижение. За слезы. За то, что он забрал мою жизнь и пе-

рекроил под себя. Но в груди — тишина. Ни ненависти, ни любви. Только странное тепло, когда он рядом. И это пугает сильнее любого его крика.

Должна ли я ненавидеть его?

Должна?!

Глава 6

Мы находились с Милой на улице в беседке: я читала ей книгу, а она разукрашивала что-то в альбоме. Солнце пробивалось сквозь листву, рисуя золотые пятна на страницах. Ветер шевелил волосы, принося запах цветущих кустарников и нагретой земли. Мила что-то напевала, водя карандашом по бумаге, и я на мгновение почувствовала себя почти спокойной.

Ворота открылись, и приехал Демьян. Сегодня рановато. Неделя прошла после нашего разговора, и я его почти не видела — он рано уезжал и поздно приезжал, а иногда вообще не ночевал дома. Я спала в его комнате, отдельной мне не выделили. Каждую ночь ложилась и ждала, что он ворвется в комнату, но его все не было. Я засыпала, а утром только мятые подушки с его стороны были доказательством, что он спал в кровати.

Всю эту неделю я ходила, изучала дом: первый этаж, где находится кабинет, кухня, огромный зал с кинотеатром. На минусовом этаже — полностью оборудованный спортивный зал. Да тут абонементы надо раздавать. Интересно, он всем этим пользуется? Там же — небольшой бассейн, вода в кото-

ром пахнет хлоркой и чем-то свежим. Второй этаж начинался за кабинетом. Я вообще подумала, что когда строили — уже заканчивали, а потом такие: «Ой, мы же спальни забыли! Ну вот здесь и забабахаем второй этаж». С улицы форма дома напоминала мягкий знак. Там находилось две спальни, совмещённые общей ванной: в одной жили мы, во второй — Мила с Марией Владимировной, и ещё две гостевые комнаты. На улице — большая территория, огороженная забором. Тут красиво: зелень вокруг, цветы, кустарники. Пахнет свежескошенной травой и розами. Правда, за нами всегда следят пара глаз — не подходят, но это так бесит.

Сначала я услышала звук его машины, а потом шум шин по гравию. Демьян вышел из машины, и я невольно залюбовалась им. Он был в черном костюме, белой рубашке без галстука — несколько верхних пуговиц расстегнуты, видно смуглую кожу. Солнце блестело в его тёмных волосах. Разговаривает с охранниками, а сам смотрит на нас. Встретилась с ним глазами, отвела взгляд — и всё равно украдкой смотрю на него. Марат стоит рядом, не уступает ему в комплектации — и всё равно на подсознательном уровне видно, что главный здесь Демьян. Не знаю, с чем это связано — с походкой, движением или просто аурой. Но сразу видно: вот он, хозяин стаи.

Он не спеша подходит к нам. Шаги по гравию — хруст, хруст, хруст. Мила поднимает голову, улыбается ему. От него пахнет дорогим парфюмом и свежестью утреннего воз-

духа. Да я заметила, что он стал меньше курить. Это тоже ради меня? Потому что я сказала что не люблю табак? Скорее всего потому что я беременна. Конечно! А я тут на придумывала всякого. Идиотка.

— Привет, красавицы. Чем занимаетесь?

— Я рисую, а Лика читает, — сразу выдаёт все секреты Мила, тянется к нему обнимать.

Он треплет её по волосам, целует в макушку. Его рука — большая, тёмная — выглядит почти нежно на её светлых волосах. Подходит ко мне, наклоняется. Я замираю, чувствуя жар его тела, запах его ощущаю. Я уже с закрытыми глазами могу его узнать просто по его запаху. А он лишь целует меня в щёку. Лёгкий поцелуй, ничего не значащий. Без подтекста. А у меня мурашки побежали. От страха? Нет... Я ждала от него чего-то? Чего? Что он набросится на меня, что ли? Он же сказал — не тронет.

— Сегодня выходной. Предлагаю съездить в парк.

— Я хочу в океанариум, — тут же вставляет Мила.

— Хорошо. Ты как?

Смотрит на меня. Он у меня разрешения спрашивает?

— Да, конечно, — киваю ему, даже улыбаюсь.

— Ну и отлично. Вы завтракали?

— Конечно, — опять говорит Мила.

— Тогда я сейчас закину в себя что-нибудь, а пообедаем в городе.

Киваю ему, идём с Милой переодеваться.

Доехали быстро. С нами, как всегда, Марат и ещё пара охранников. В океанариуме он сам везёт Милу. Она смотрит на всё огромными глазами и что-то ему рассказывает. Он отвечает на её вопросы. С ней он расслабляется. Я начинаю любоваться ими: вот бы мне так вести себя с ним — непринуждённо, беззаботно. Свет от аквариумов падает на его лицо, делая черты мягче. Он улыбается чему-то, что сказала Мила, и я вижу на его лице почти детское выражение. Не замечаю, как начинаю улыбаться, глядя на них. Он замечает мою улыбку и улыбается в ответ.

Останавливаюсь над стеклянным куполом, замираю. Вода переливается, рыбы медленно проплывают надо мной. Синий, зелёный, золотой свет отражается от воды, создавая причудливые узоры на моём лице. Вспоминаю, как мы приходили сюда с родителями. Мила была маленькая, наверное, уже не помнит. Мне всё время казалось, что стекло лопнет и нас затопит. Папа смеялся — так заразительно. Вспоминаю и сама начинаю улыбаться.

— Нравится? — произносит мне в ухо. Я даже не заметила, как он подошёл. Его голос низкий, тёплый, он касается моего уха, вдыхает мой аромат.

— Мы сюда с родителями приходили, — сказала я тихо. Он посмотрел на меня внимательно, но ничего не спросил. Просто сжал мою талию чуть крепче. А потом тихо

спросил:

— Они в аварии погибли?

Я замерла. Он знал. Я прекрасно понимала, что он уже всё знает — у него же везде глаза и уши. Но он спросил. Впервые он хотел услышать это от меня. Не из досъе, не от Марата, не от чужих людей. Он хотел, чтобы я сама ему рассказала. И это почему-то согрело меня больше, чем все его деньги и подарки.

— Да, — ответила я, сглотнув ком в горле. — Два года назад. Их сбила машина. Пьяный мажор. Мила тогда ещё ходила. После аварии — уже нет.

Он ничего не сказал. Только сжал мою талию ещё крепче и притянул ближе. Я чувствовала его тепло, слышала его сердце — ровное, спокойное. И в этом молчании было больше поддержки, чем в любых словах.

— Теперь будешь приходить сюда с нами, — сказал он. — Сделаем новую традицию.

Я не успеваю ответить — Мила заявляет:

— Я кушать хочу!

Демьян кивает, не отпускает меня, ведёт вперёд. Я не отталкиваю его руку. Надо же с чего-то начинать.

В ресторане нас уже ожидал столик на втором этаже, возле панорамного окна. Белая скатерть, серебряные приборы, хрустальные бокалы. Окно открывало вид на город: крыши, шпили, облака. Солнечный свет проникал в зал, играя на

стекле.

— Что ты хочешь? — опять спрашивает меня.

— Мне всё равно, — пожимаю плечами.

Он хмурится, сжимает меня в руках. Злится, что я не сделала выбор? Но я реально не знаю, что тут можно заказать.

— Хочу рыбу, — смотрю на него.

Он кивает, и в уголках губ проскальзывает улыбка. Его пальцы расслабляются, и он закрывает меня.

— А я мороженое! — хлопает в ладоши Мила.

Я поднимаюсь, хочу отойти в туалет. Он тормозит меня взглядом — тяжелым, внимательным.

— Я в дамскую комнату.

Кивает мне за спину. Следом за мной идёт один из охранников. Я чувствую его присутствие — тень, которая всегда рядом. Странное чувство. Раньше я никому не была нужна. Никто не следил за мной, не переживал, куда я иду и вернусь ли. А теперь меня охраняют, как королеву. За мной хвостом ходит здоровенный мужик с каменным лицом, и я чувствую себя то ли в золотой клетке, то ли в дорогом фильме, где героиня вдруг стала важной персоной. Настроение даже поднялось от этой мысли. Я почти улыбнулась, заходя в уборную. Почти.

Кафельный пол, зеркальные стены, запах мыла и парфюма.

Только хотела выйти из кабинки, как дверь хлопнула, впуская женские голоса.

— Ты видела? Здесь Багиров?

— Да, с какой-то серой молью и инвалидом, — доносится противный смех обеих.

Я замерла. Слова впились в кожу, как иглы.

— Надо подойти поздороваться. Спросить, когда он в клубе появится, а то давно его не видно.

— Я как вспомню его на ринге — у меня трусики сырыми становятся.

— Они у тебя хоть есть? — опять смех.

Я сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони. Как же они меня бесят. И он бесит.

— Я после него долго не могла в себя прийти. Все остальные мужики пресными стали.

— Да уж, Демьян умеет своим членом пользоваться.

Хлопает дверь. Остаюсь одна. Настроение, которое только начало подниматься, рухнуло вниз с грохотом. Есть расхотелось. Выхожу, мою руки, смотрю на себя в зеркало. Вода холодная, она обжигает кожу. В зеркале — моё бледное лицо, растрепанные волосы, глаза, в которых плещется горечь.

— Сами вы моли, — бурчу под нос.

Как только подхожу к нашему столику, вижу этих гарпий рядом с Демьяном. Обе крашенные блондинки. Одна положила руку ему на плечо, провела ярко-алыми ногтями по его рубашке. Я видела, как напряглись его мышцы под тканью. Он не отстранился, но и не ответил на прикосновение. Просто сидел, будто её не существовало.

Замедляю шаг, слышу отголоски их разговора.

— Ах, Демьян, тебя давно не видно. Мы соскучились.

— Я занят, — он замечает меня, сканирует взглядом — быстрым, цепким. Убирает её руку. Она кривится, но больше не решается к нему прикоснуться.

— Жаль. Тебя очень не хватает.

— Я занят, — опять припечатывает.

Говорит это таким голосом, что я сама уже бежать хочу. А им всё равно. Стоят, смеются.

Сажусь за стол. Они делают вид, что меня не замечают. Одна склоняется над ним, суёт ему бумажку в карман, шепчет что-то на ушко и уходит, прихватив подружку.

Аппетит пропал. Как и желание сидеть с ним рядом. Он демонстративно вытаскивает бумажку и кидает на пол — белый листок медленно падает на ковёр. Смотрю в окно, на проезжающие машины и бегущих людей. Еда, поначалу казавшаяся вкусной, теперь пресная. Заставляю себя проглотить хотя бы половину, но еда встаёт в горле — запиваю соком. Откидываюсь на спинку, складываю руки на груди, продолжаю смотреть в окно.

Мила ковыряет ложечкой мороженое.

— Да твою мать! — говорит он, откидывая приборы.

Вздрагиваю, смотрю на него. А он на меня. Он что, злится, что мы здесь? Мы ему помешали?

— Мы можем уехать?

Он кивает, я что вслух это произнесла.

— Я не доела. — удивленно произносит Мила.

Он обещает ей, что закажет домой десять видов такого мороженого. Она кивает, улыбается.

Провожает нас до машины, садится рядом. Тишина между нами — напряжённая, густая.

— Ты можешь остаться? — говорю это шёпотом. А в душе надеюсь, что он не уйдёт.

— Зачем? — смотрит на меня, скользит по лицу глазами.

— Ну как же. Тут соскучились, — пытаюсь пародировать голос той курицы. Нет, я не ревную. Просто обидно!

— Понятно! — говорит он. Тянет улыбку.

И что тут смешного? Отворачиваюсь к окну — не хочу видеть его довольную мордашу. За окном проплывают дома, деревья, люди. Конечно, сейчас нас проводит и типа по делам поедет. Понятно теперь, какие у него дела. А кто я такая, чтоб указывать ему, с кем проводить свободное время?

— Хватит пыжиться, — смеётся он. — Я их даже не знаю.

Поворачиваю голову, хочу сказать, что-они-то вот как раз знакомы с ним. Но Мила сидит между нами, и я не могу при ней ругаться. Открываю рот и тут же закрываю.

— Дома поговорим.

— О кей. Дома так дома.

Залетаю в комнату, переодеваюсь в домашний костюм. Как же он меня бесит. Торможу возле зеркала. Смотрю на своё отражение — да у меня только молний в глазах не хва-

тает. Задели меня эти девки, ничего не скажешь. Да потому что я по-другому воспитана: меня учили ценить семью, не влезать в чужие. Она у нас, конечно, не идеальная, и семьёй нас трудно назвать, но всё же. А эти видели, что он не один, ещё и Милу обозвали. Слёзы обиды застилают глаза — и надо же было ему войти в этот момент.

— Так что ты мне хотела сказать?

— Ничего! — смахиваю слёзы. Ещё подумает, что из-за него плачу.

— Лика, я же сказал — я их даже не помню.

Не выдерживаю, взрываюсь:

— А вот они тебя точно знают! Знакомы с твоим... с твоим!

Замолкаю, отворачиваюсь.

— Ну давай, договаривай. С кем они там знакомы?

— Господи, это какой-то ужас! И многих ты трахнул в этом городе? Ну чтоб мне хотя бы лицо держать, когда в следующий раз они будут твой член обсуждать!

Чувствую, что начинаю краснеть. Лицо пылает. А этот гад смеяться начинает.

— Клубничка, ты меня ревнуешь, что ли? — подходит ближе, заключает в объятия.

Пытаюсь вырваться, но он держит крепко. Его руки горячие, сильные, они сжимают меня, не давая двигаться.

— Нет! Просто неприятно!

— Ага. Будем считать, что я тебе поверил, — он зарыва-

ется в мои волосы, дышит глубоко. Я чувствую его дыхание на своей шее — тёплое, прерывистое.

— Да думай, что хочешь! Отпусти меня! Я все понимаю. Честно. Все понимаю. Ты мужчина, тебе нужно. Ну давай ты будешь хотя бы скрывать своих любовниц. И вообще ты женат.

Хлопаю себя по лбу.

— Ну конечно, кольцо то только у меня. У тебя то нет...

Замолкаю уставившись на его правую руку и на безымянный палец. На котором отражается золотой блеск обычного обручального кольца. Странно! Обычное, не вычурное. Он смотрит на меня прожигает взглядом. Тьфу. Устроила блин истерику на ровном месте.

— Прости. Иди тебя ждут.

— Конечно, ждут. И не меня одного, — он смеётся. — Там Мила ждёт нас, мультик какой-то смотреть.

Смеётся, целует меня в макушку, отпускает. Стою как дура и смотрю, как он раздевается. Отмираю только когда он брюки снимает. Отворачиваюсь и быстро покидаю комнату, слыша, как он посмеивается.

Валяемся с Милой на огромном диване, спорим, что будем смотреть. Когда он заходит к нам — в домашних брюках и футболке — даже непривычно видеть его таким. Свет от телевизора падает на его лицо, делая его почти уютным.

За просмотром и разговорами не заметили, как время

пролетело и наступил вечер. Ужин прошёл намного лучше обеда. Конечно, тут не было тех, кто мог бы его испортить.

А вот предстоящей ночи я боялась. Тем более, когда он вошёл за мной следом и пошёл в душ. Раздался шум льющейся воды — он эхом разносился по комнате, а я села в кресло, обхватив колени руками.

— Так и будешь там сидеть? — я вздрогнула — видно, задумалась и даже не слышала, когда он вышел из ванны. От него пахло гелем для душа — свежим, мятным. Капли воды блестели на его коже.

Конечно, я не собиралась так сидеть. Быстро приняла душ и легла с краешку кровати. Простыня была шёлковой, холодной, она скользила под пальцами.

— Смотри не уподи! — говорит он сквозь смех.

Смешно ему, а я тут даже дышать боюсь.

— Не упаду, — рычу в ответ.

Но его не устроило такое положение вещей. Он придвинул меня лицом к себе — я даже пискнуть не успела, как оказалась в его объятиях. Напряглась. А он наоборот — был расслаблен. Я ждала, что он начнёт приставать, но он лишь гладил мою спину. Его рука двигалась по моей спине медленно, ритмично. Как будто он успокаивал напуганного зверька. Я затаила дыхание, но что странно страх начал уходить. Его тепло проникало под кожу, разгоняя холод, который копился во мне последние месяцы. Я закрыла глаза и поняла, что не хочу, чтобы он убирал руку.

Глава 7

Утром я просыпаюсь в его объятиях. Тепло его тела проникает сквозь тонкую ткань ночнушки, слышу ровное дыхание, чувствую, как его грудь поднимается и опускается. Выскальзываю и замираю, смотрю на него, изучаю, пока он спит. Сейчас, когда его лицо расслабленно, он выглядит моложе. Исчезли эти вечно сдвинутые брови, разгладились морщины вокруг глаз. Свет из окна падает на его лицо, делая его почти уязвимым. Изучаю его татуировки, скольжу аккуратно пальчиками по изогнутым линиям. Они тёплые, кожа под ними гладкая, почти шёлковая. А она красивая. Рисунок сложный, переплетающийся, он будто живёт под его кожей. Закусываю губу, когда тату переходит с предплечья на грудь.

— И что остановилась? — вздыхает он.

Смотрю на него. Он лежит с закрытыми глазами, но на губах играет лёгкая улыбка. А у меня лицо начинает гореть. Вот я дура — нарываюсь сама. Пытаюсь слезть с кровати, но запутываюсь в одеяле. Ткань скользит, путается вокруг ног — и я чувствую, как теряю равновесие. Если бы он меня не поймал, свалилась бы вперёд головой с кровати. Подмял меня под себя — я чувствую тяжесть его тела, жар кожи. Наматывает мои волосы на кулак — тянет не сильно, но настойчиво. Приближается к моим губам, замирает. Чувствую его дыхание — тёплое, с лёгким запахом сна, смешанным с его терпким, мужским ароматом. Не отталкиваю — жду, что он дальше будет делать.

Ожидание затягивается. Он медлит. Ждёт, что я сама первая его поцелую, что ли? Да долго ждать будет. А я просто расслаблюсь.

— Можно? — наконец произносит он.

Вот тут я выпала в осадок. Он у меня разрешения спрашивает?

— Ты у меня спрашиваешь? — уточняю.

— Да. Не бойся меня. Скажешь «остановись» — я остановлюсь.

— Мы же договаривались, — шепчу, напоминая ему о нашем разговоре. Он обещал не трогать меня.

— Я передумал.

Припечатывает и набрасывается на мои губы. Его поцелуй сначала требовательный, жадный, а потом — глубокий, медленный. Ныряет в мой приоткрытый рот, играет с моим языком, касается неба. А у меня пальчики на ногах сжимаются. Слышу стон. Стоп! Это мой стон.

Его рука ныряет под ночнушку, касается моего живота. Ладонь горячая, шершавая, она обжигает кожу. Ведёт вверх. Ещё чуть-чуть — и он коснётся моей груди. Замираю. Отталкиваю его. Дышу глубоко, выкидываю из головы образ того, кто всплывает в памяти. Пытаюсь заменить его на того Демьяна, который сейчас передо мной.

Я чувствовала его возбуждение у своего бедра, и в голове вспыхнула картинка из того вечера. Его руки, его голос, моя беспомощность. Я не хотела этого вспоминать. Не сейчас,

когда он был таким нежным. Но тело помнило лучше, чем я.

Восстанавливаю дыхание. Он всё понимает без слов. Мгновение — и я не ощущаю его тяжести. Слышу, как хлопает дверь в ванную. Звук гулкий, окончательный. Заворачиваюсь в одеяло, прячусь как в кокон — будто он поможет мне уйти от проблем.

Что делаю? Что творю? Меня кидает из крайности в крайность. Я-то боюсь его, то жду его внимания. Игнорирую и в то же время ревную. Да! Всё-таки, проанализировав, я поняла: я ревную его. Не хочу, чтобы он меня касался — и в то же время жду его поцелуев. И они мне нравятся. Нравятся, когда он целует нежно и ласково, едва касаясь меня.

— Хватит прятаться. Я тебя не съем, — слышу его голос.

Выглядываю одним глазом из своего импровизированного укрытия. Вижу, как он ходит по комнате в одном полотенце. Капли воды стекают по его спине, блестят на татуировках. Скидывает его, надевает штаны, а я взгляд не могу отвести от его задницы. Он резко разворачивается, смотрит прямо на меня. Ага, поймал на горячем.

— Вставай и топай в ванну.

А я и правда встаю, и иду туда, куда мне сказали.

Вечером мы, как всегда, сидим, смотрим мультики. На диване мягкие подушки, пахнет попкорном, который мы с сестрой уплетаем за обе щеки. Мила вдруг выдает:

— А где Демьян? Он тоже хотел к нам присоединиться!

— Он не хотел. Это ты его уговорила, — смеюсь в ответ.

— Да, уговорила! Лик, иди позови его.

Складывает руки ладонками вместе, хлопает глазками.

Того и гляди слезу уронит.

— Ты маленькая манипуляторша, — говорю ей, прищурив глаза.

— С ним весело. Он так смешно обсуждает мультики.

Он не веселится — он реально комментирует все косяки мультфильмов. Как будто их не для детей снимают, а для таких взрослых, как он, и там должно быть всё грамотно и по существу.

«Дети пошли в страшный дом», — его комментарий. «И зачем они туда пошли? Видно же, что в доме призраки. Да он и со стороны страшный. И вот что? Дети насмотрятся и будут в такие дома лезть»

— Демьян, — смеюсь я, — если б они туда не пошли, не было бы мультфильма.

— Зачем вообще снимать ужасы, хоть они и мультики?

— Ну давай выберем смешной мультфильм.

— Тут дом летающий! Фантастика. Тут феи всем заправляют.

На каждый мультик у него комментарии. Хотя вот «Маша и Медведь» ему понравился — смотрел и даже смеялся.

Пока думала, весь дом обошла. Шаги по паркету отдаются тихим эхом. Где он? Может, ушёл?

Спускаюсь вниз, слышу глухие удары. Замираю, когда вижу, как он методично разминается на висящей груше. Он полюбознажён, на нём только низко сидящие спортивные штаны. Свет от лампы падает на его рельефные мышцы, подчёркивая каждое движение. Его удары чёткие, выверенные. Он наносит удар за ударом, а дыхание даже не сбивается. Кожа блестит от скользящих капелек пота.

Он замирает, оборачивается на меня. Смотрит. Вижу — всё-таки запыхался. Его грудная клетка ходит ходуном. Запах пота и мужской силы заполняет помещение.

— Что-то случилось? — слышу его голос.

— Нет-нет, — тороплюсь ответить. — Просто Мила включила новые серии, а ты хотел посмотреть. То есть ты, конечно же, занят. Я тогда скажу ей.

Говорю и сама начинаю дышать через раз, когда он приближается ко мне. А у меня флешбек. Он вот так же ко мне приближался, а потом приказал заткнуться и встать на колени. Опускаю глаза вниз. Вижу, что он напряжён — и там тоже. Его возбуждение проступает, и его трудно не заметить. Жду, что он набросится. Зажмуриваюсь.

Чувствую его дыхание рядом с собой. Берёт меня за подбородок, поднимает моё лицо вверх. Пальцы его тёплые, чуть шершавые. Ничего не говорит. Ждет, что я открою глаза, а я сильнее зажимаюсь.

— Лика, посмотри на меня, — слышу в его голосе просьбу, а не приказ.

Открываю резко и сразу натываюсь на его глаза. Тону в них — в этой чёрной глубине, в которой отражается свет лампы.

— Боишься меня, — шепчет. Не даёт отвести взгляд, держит в напряжении.

— Да, — выдыхаю. Мы здесь одни. Он возбуждён. Это его дом. Он может сделать со мной что хочет, и я даже пикнуть не успею.

— Я же сказал, что не трону, — наклоняется ниже, впечатывает меня в себя.

Теперь я полностью в его власти. Упираюсь ладонями ему в грудь. Его сердце стучит как отбойный молоток — я чувствую каждый удар под своей ладонью. Моё тоже стучит на вылет. Но он ничего не делает. Утыкается в мою макушку, вдыхает мой аромат. Зарывается в мои волосы — я чувствую, как его пальцы касаются кожи головы.

— Ты так вкусно пахнешь, клубничка. Я от твоего запаха дурею.

— Не нюхай тогда!

— Я не могу. Мне это нужно. Иначе у меня тормоза сорвет. Позволь мне хотя бы это. Не бойся меня. Пожалуйста.

Я ждала. Ждала, что сейчас он сожмет мои скулы, рявкнет, прикажет. Но вместо этого он сказал: «*Пожалуйста*».

Этот человек, который никогда ни о чем не просил, про-

сил у меня разрешения просто дышать моим запахом.

Он стоял так долго. Его дыхание постепенно выравнивалось, сердце переставало биться как бешеное. Я чувствовала, как он успокаивается рядом со мной. И это было странно — осознавать, что я, маленькая и слабая, могу так влиять на этого огромного опасного человека.

Пожалуйста?! Он что, знает это слово? Да ладно! Ну ладно, если надо — пусть нюхает.

Глава 8

Утро встречает меня очередным приступом тошноты. Теперь это моё постоянное состояние. Я уже знаю этот момент — резкий спазм в желудке, кислый привкус во рту, холодный пот, выступающий на спине. Уже почти месяц я нахожусь в доме Демьяна. На днях Мила полетит в Израиль. Иногда он присоединяется к нам в гостиной, где мы с Милой каждый вечер смотрим мультики. Мы разговариваем на разные темы — так я узнала, что у него собственное охранное агентство, ещё он владелец клуба и двух ресторанов. Тридцать три года, женат не был, детей нет. В юности профессионально занимался боксом. Иногда он просто сидит, смотрит мультики и комментирует. Мила смеётся, и я тоже. В то же время я рассматриваю его и пытаюсь понять, что он за человек. Сравнить его с тем, который изнасиловал меня. Меня посещают мысли, что это два разных человека.

Остаюсь с ним наедине — и вижу, что он сдерживается, но не набрасывается на меня. Если прикасается, всегда ждёт

реакции моего тела. И если нет сопротивления — целует меня. И теперь у меня в голове два разных человека. Со мной он становится другим. Оберегает меня, если это можно так назвать.

Но второе — «я» Демона — никуда не ушло. Он не стал милым и домашним. На днях он залетел в свой кабинет и орал по телефону так, что я думала, стёкла взорвутся. Я стояла в коридоре, слышала его голос сквозь закрытую дверь — низкий, яростный, он вибрировал в воздухе. А потом три часа был в зале — лупил по груше. Я слышала глухие удары даже на втором этаже.

Не сразу соображаю, что я не одна в ванной комнате. Лишь когда волосы на моей макушке собирают в пучок, и рука гладит мои позвонки, хочу сказать Демьяну, чтобы он ушёл. Это он — не сомневаюсь ни секунды. Я уже научилась его распознавать по запаху — смесь дорогого парфюма и его собственной кожи. Но очередной привет из моего многотрадального желудка не даёт мне и слова сказать. Я сгибаюсь над унитазом, чувствуя, как желчь подступает к горлу.

Чувствую, что стало легче. Споласкиваю рот — вода холодная, она обжигает дёсны. Умываюсь ледяной водой, она стекает по моему лицу. Поднимаю глаза и сталкиваюсь в отражении зеркала с горящими глазами Демьяна.

Что он тут делает? Он же уже должен быть в офисе. Только сейчас замечаю, что душевая кабинка запотела — стекло покрыто мелкими каплями, — а сам он стоит в одном поло-

тенце, намотанном на бёдра. Капли воды стекают по его груди, и я вижу, как блестит мокрая кожа, как перекачиваются мышцы под ней.

Сглатываю, исследую его тело в отражении — то, которое видно. Плечи — широкие, сильные. Грудь — с лёгкой растительностью, татуировки, переходящие на руки. Живот — рельефный, с кубиками пресса. Возвращаю взгляд к его лицу.

— Лучше? — спрашивает он. Я лишь киваю в ответ.

На мне пижамные шорты и коротенькая майка. Ткань тонкая, почти прозрачная на свету. Его руки держат меня за талию — пальцы горячие, они впиваются в кожу, оставляя следы. Он не отводит взгляд, и я не отвожу. Он гипнотизирует меня, а его рука уже движется к моему животу. Я чувствую его горячую ладонь, когда он осторожно забирается под майку и касается моего голого живота. Кожа под его пальцами покрывается мурашками. Вздрагиваю, но не ухожу, не вырываюсь. Жду, что он будет делать дальше.

Демьян следит за мной, читает мои эмоции. Прижимается ко мне — спина тут же намокает, он же выскочил из душа, когда я залетела сюда. Отводит взгляд, зарывается в мои волосы. Его дыхание прерывистое — я слышу его, чувствую у своего уха. Чувствую, как его сердце стучит всё быстрее и быстрее.

— Девочка моя, клубничка, — шепчет мне и целует в шею. Его поцелуи лёгкие, как крылья бабочки. Едва касает-

ся меня, боится спугнуть.

Его ладонь уже в моих шортиках. Вторая ласкает мою грудь, перекачивает сосок. Целует местечко за ушком — там особенно чувствительно, у меня подкашиваются ноги. Мурашки по телу, низ живота сводит, грудь набухает, становится чувствительней.

Его рука скользит всё дальше. Он уже касается меня там, накрывает пальцами. А у меня там уже потоп — я чувствую, как влага пропитывает тонкую ткань трусиков. Надавливает пальцами на клитор, размазывает мои соки. Дышит тяжело и часто. Закрываю глаза, откидываюсь ему на плечо. Стон вырывается из моего рта, закусываю нижнюю губу, зажимаю её зубами. Стон вырывается опять, когда он вводит в меня палец, поворачивает его внутри, задевает какие-то точки. А у меня опять стон и звёзды перед глазами.

— Девочка моя, клубничка. Расслабься, отдайся чувствам, не сдерживай себя. Ты такая чувствительная и сладкая.

На последних словах вынимает пальцы, облизывает их. У меня глаза становятся ещё больше. Это так эротично и сексуально — я вижу в отражении, как его язык касается его же пальцев. Внизу становится ещё жарче, там уже всё пульсирует, в ногах начинается дрожь. Сжимаю бёдра. Он видит это, ухмыляется и опять возвращает руку на место.

А мне только это и надо. Я хочу узнать, каково это — испытать оргазм в его руках. Не боль, а удовольствие.

Он ласкает, гладит грудь, целует шею — и не сводит с меня своих чёрных глаз. Вижу их в отражении, попала в них как в ловушку.

— Смотри на меня, — его голос с хрипотцой. — Не отводи взгляд.

Отворачиваюсь — и он тут же всё прекращает. Смотрю на него, и он возобновляет терзать моё тело. Такой вот он: либо будет как скажет он, либо вообще никак.

Я уже на грани. Секунда — и по телу проходит дрожь. В крови огонь, меня трясёт, дыхание сбивается, внутри всё пульсирует. Он не убирает руку — доводит до конца, гладит. Успокаивает мою плоть. А я сжимаю зубы, закрываю глаза, сдерживаю стоны, которые вырываются из меня.

— Умница. Ты такая горячая девочка, такая чувствительная.

Секунда — и мои шортики вместе с трусиками слетают к моим щиколоткам. Я слышу, как ткань падает на кафель. Чувствую, как он толкается в меня, пытается протолкнуться. А я коркой льда покрываюсь, сжимаюсь вся.

Я хотела этого. Я правда хотела. Но когда я почувствовала, как он пытается войти, перед глазами снова вспыхнула та комната. Тот стол. Его голос: *«Рот открыла»*. Я не могла. Просто не могла. И он понял. Он читал меня как открытую книгу.

Он видит мои изменения. Смотрю на него, вижу, как он сдерживает себя. Отвожу взгляд — там я вижу взгляд того,

кто взял меня силой. Он понимает всё без слов. Оставляет меня. Хлопает дверью — звук эхом разносится по ванной.

А я стою и не пойму, что это сейчас со мной было. Касаюсь того места, где были руки Демьяна. Кожа всё ещё горит. Сердце стучит на вылет. Да что со мной такое? Это всё гормоны! Да, гормоны и моя беременность. Определённо, она виновата.

В столовой уже сидит Демьян. Одет в голубые джинсы и белую футболку. Край татуировки выглядывает из-под рукава. Он лишь мельком бросает на меня взгляд и, держа кофе в одной руке, другой печатает что-то в телефоне. Пахнет кофе — густой, горьковатый аромат смешивается с запахом утренней выпечки. Не могу оторвать взгляд от его рук. Они у него красивые, правда, всё портят сбитые костяшки. Он откладывает телефон в сторону, а я смотрю и не могу оторваться. Он бьёт какой-то ему известный ритм по столу пальцами — тихо, ритмично. А я зависаю на них, вспоминаю, как он касался меня в ванной. Тело тут же покрывается мурашками. Рука замирает, перестаёт отбивать ритм. И я даже не сразу соображаю, что меня зовёт Мила. Слышу только его голос, который и возвращает меня в реальность.

— Клубничка, ты так и будешь стоять?

— Аaaa, — наконец отмираю и перевожу взгляд на его лицо. Он лишь ухмыляется и продолжает:

— Я говорю: ешь давай. Нам ещё в город смотаться нужно.

Сажусь справа от него, слева сидит Мила. Уплетает кашу, запивая молоком. От неё пахнет ванилью и топлёным молоком.

— Лик, ты чё какая заторможенная? — смеётся Мила.

— Плохо спала. А у тебя, смотрю, хорошее настроение.

— Ты чё, Лик? Я ж тебе вчера говорила, что дядя Демьян обещал сводить меня в зоопарк. И если ты не отморозишься — оставим тебя здесь одну.

Она смеётся. Смех у неё заразительный — звонкий, как колокольчик. Я тоже улыбаюсь. Демьян прячет свою улыбку за кружкой кофе — я вижу, как дёргаются уголки его губ. Ну прямо идеальное утро в идеальной семье.

Через тридцать минут спускаюсь на крыльцо. Солнце уже высоко, воздух тёплый, пахнет травой и цветами. Демьян уже посадил Милу и повернулся ко мне. Прошёлся по мне взглядом — медленно, с головы до ног, — выругался и направился ко мне.

— А нормальное платье есть?

— Чего? — я даже сразу не поняла, про что он.

— Нормальное у меня платье?

— Нормальное — это когда жопу прикрывает и сиськи в разрезе не видны.

Я аж покраснела. Пипец, приплыли. Нормальное у меня платье. Длина чуть выше колена, да, оно с открытыми плечами, но на улице жара. Ткань лёгкая, струящаяся, она при-

ятно касается кожи. И никакие сиськи у меня не видны!

— Мне что, паранджу нацепить, что ли? — рычу в ответ.

— Ого, Бэмби решил зубки показать, — припечатывает он меня.

А я лишь обнимаю себя за плечи. Под его взглядом и правда стала чувствовать себя голой. У него взгляд — как будто он меня сожрать хочет. Я чувствую его на своей коже, он обжигает.

— Иди переодейся.

— Не пойду. Мне в нём удобно.

Он лишь скрипнул зубами, но отступил, пропуская меня к машине. Прохожу мимо него, не удержалась и показала ему язык. Так по-детски, но мне приятно. И тут же мне прилетает смачный шлепок по пятой точке — я аж подпрыгнула.

— Ай, больно!

— Шевели булками давай!

Ныряю в салон автомобиля. Внутри пахнет кожей и его парфюмом. Марат на водительском сиденье, здороваюсь с ним — он лишь кивает в ответ. Демьян закрывает мою дверь и садится вперёд.

— Сначала в офис заскочим, — говорит он Марату. — Затем в зоопарк.

— А это безопасно?

— Безопаснее некуда, — ухмыляется Демьян.

Пока мы ехали, у Демьяна четыре раза звонил телефон — резкие, настойчивые трели разрывали тишину салона. Он

молча сбрасывал. На пятый раз я не выдержала.

— Может, уже ответишь? Вдруг что-то срочное.

— А давай я буду решать, надо оно мне или нет, — рычит он в ответ.

Но на шестой раз звонок принимает.

— Я что, не ясно сказал? Мне кажется, что мы всё обсудили и ты осталась довольна.

Довольна? Это он с женщиной разговаривает. Я не хотела признаваться, даже себе. Но когда я услышала женский голос в его телефоне, внутри что-то оборвалось. Это была ревность. Самая настоящая, острая, как нож. Сердце готово выпрыгнуть из груди, сжимаемое невидимой рукой. Мне резко не хватает дыхания. Стараюсь держать лицо. Но мне охренеть как неприятно.

Хотя он имеет на это полное право. Я ему не даю, а мужику только это и надо — слить свою похоть и дальше по своим делам.

«Ты же сама разрешила ему трахаться на стороне. Довольная была. Лишь бы тебя не трогал. Что случилось-то? А ну да — узнала, каково это — быть в его руках. Так дала бы ему!»

Внутренний голос подаёт признаки жизни. Стукнуть бы ему по голове, чтоб уполз куда-нибудь и не выступал.

Отвлекаюсь на вид из окна машины. За окном проплывают дома, деревья, люди. А он продолжает:

— Я всё сказал... Незачем... Документы оставь, я заеду...

Всё, я сказал.

Мы едем в офис. Забрать документы? Она там будет? В данный момент он едет к ней. А злиться потому что мы помешали его планам?

«Конечно, ты же ему утром не дала. А ему надо».

Конечно, не дала. Я как дубину его вспомнила в себе — у меня сразу всё заморозилось. Кобель, вот он кто. Отказали — и сразу давай бежать налево.

Я схожу с ума. У меня внутри идёт разговор двух «я». Истеричный смешок срывается с моих губ — ничего не могу с собой поделать. Интересно, это моя беременность на меня так действует? Или мой личный Демон посылает на меня проклятие?

Мы притормаживаем у огромного здания. Здесь этажей сто, не меньше. Стекланные стены отражают облака, и я чувствую себя маленькой рядом с этой громадиной. Он выходит первым. Я не знаю, что нашло на меня, но я выскакиваю за ним. Он разворачивается и смотрит на меня.

— Сиди в машине, я скоро вернусь.

— Мне надо в туалет, — выпаливаю я. Единственное, что пришло в мою умную головушку.

Нет, ну а что я должна была сказать? *«Мне надо посмотреть на твою любовницу, как никак, ты мой муж, вроде бы как»* Да он бы поржал с моих слов.

Он лишь сканирует меня взглядом — быстрым, цепким. Уголки его губ дёргаются вверх, но он кивает мне и пропус-

кает вперёд.

Заходим в лифт, он нажимает кнопку 95. Лифт мягко трогается, и я чувствую, как уходит земля из-под ног. Золотые цифры на панели быстро меняются.

— У тебя офис так высоко?

— Да. А что такого?

— Я просто высоты боюсь.

Когда открываются створки, он жестом указывает мне нужное направление, провожает до нужной двери. Открывает, пропускает вперёд.

— Без глупостей. Выходишь и ждёшь меня возле лифта. Лица, ты поняла?

Киваю ему. Он уходит. Прикрываю дверь, считаю до десяти и выхожу.

Ступаю осторожно и тихо. Сегодня выходной не только у босса, но и у всех остальных, что ли. Из конференц-зала доносится женский голос. Я замираю.

— Демьян, ты не можешь всё вот так оборвать, — девушка плачет. — Я пять лет с тобой была. Пережила всё, что только можно. Я...

— Рит, а я тебе что-то обещал?

— Нет, — чеканит она.

— Так в чём проблема? Да, трахаешься ты охуенно, заглатывать тоже умеешь. Я, может, запомнил. Может, в пере-

рывах, пока ты заглатывала не только у меня, но и у Влада. Я тебе жениться обещал?

Наступает пауза. Тишина — густая, напряжённая.

— Ты знаешь... — шепчет девушка. — У нас было один раз. Ты тогда обидел меня сильно, и я...

— И ты решила запрыгнуть на хуй моего друга.

— Когда ты узнал?

— Да в тот же вечер и узнал, — смеётся Демьян.

— Ты знал и молчал! — вот тут она уже кричит.

— И что? Это не мешало мне тебя трахать.

— Вот ты козёл! Ненавижу тебя!

— Рита, Рита, Риточка. Наконец-то я вижу твоё настоящее лицо. Хватит ломать комедию. Хватит мне названивать. Я тебе ещё полтора месяца назад сказал, что у нас всё кончено. Ты согласилась, только чтоб тебя не уволили. Тебя не устраивает зарплата? Ну так извини, раньше дополнительная доплата была за твои услуги. Сейчас я в них не нуждаюсь.

— Я увольняюсь! Видеть тебя не могу!

— Заявление в отдел кадров — и ты свободна.

— А ты не боишься, что я слишком много знаю? Я могу ведь...

Она не успевает договорить. Слышу всхлип и яростный голос Демьяна:

— Слушай сюда, шалава. А не боишься, что за эти слова я тебя прикопаю в ближайшей лесополосе?

Тут она начинает плакать — громко, истерично. Слышу

треск одежды, звук расстёгиваемой молнии и её шёпот:

— Любимый, дорогой... Я ж для тебя всё сделаю. Я ж от ревности этой с ума сошла. Как узнала, что ты женился — у меня голову снесло. Давай я тебе... — возня не прекращается. — Я ж знаю, как ты любишь. А эта твоя тебя даже не удовлетворяет. Я же вижу, какой ты взвинченный ходишь.

Не выдерживаю. Толкаю дверь. И так и застываю от увиденной картины.

Глава 9

Демьян стоит, а перед ним на коленях сидит красивая голая девушка. А нет, трусы на ней еще остались — ниточки. Тонкий кусочек кружева, который ничего не скрывает. У нее правильные черты лица, яркий макияж с кроваво-красными губами. Помада — алая, почти черная в тусклом свете конференц-зала. Эти же красные отметины вижу на его шее и футболке. Грудь не меньше четвертого размера — она выпячена, как оружие. Ее руки ловко справляются с его джинсами — и рука уже там. Увидев меня, она замерла, смотрит на меня. Сначала на ее лице шок, а потом она хищно улыбается — губы растягиваются в довольной усмешке. Она не убирает руку. Она не стесняется.

Демьян первый соображает. Отталкивает эту женщину — резко, грубо, и, застегивая штаны, идет ко мне. Я слышу, как шипит молния, как его ботинки стучат по паркету.

— Я тебе где сказал ждать? Вечно лезешь туда, куда не нужно! — рычит он на меня.

Я еще и виновата оказалась — не там оказалась, где должна была быть. Стою, смотрю на него, на его рубашку с красным следом помады.

Замахиваюсь и влепляю ему пощечину. Моя ладонь обожгла его щеку. Звук — резкий, хлесткий — разнесся по комнате. Он даже не пошевелился. Только посмотрел на меня — и в его глазах я увидела удивление. Он застыл в ступоре, просто смотрел на мою руку и молчал. Что? Никто никогда не смел поднимать на него руку? А я — посмела! И пока он был в ступоре, бросилась из кабинета.

Побежала к лифтам. Каблуки стучат по мраморному полу — эхом отскакивают в пустом коридоре. Нырнула в один и нажала кнопку вниз. Золотые цифры на панели начали быстро убывать. За секунду до закрытия я увидела его лицо.

Слезы текут по щекам. Горячие, соленые, они обжигают мою кожу. Зачем он так со мной? Я только начала находить в нем что-то хорошее. Ведь мне надо было привыкнуть к нему. У нас могла ведь получиться семья.

Пропускаю информацию через себя. Может, он и женился на мне потому, что эта ему изменила, и так он решил ей отомстить. Вытираю слезы. Двери открываются — и я понимаю, что я на подземной парковке. Блин, да же я-невезучая-то такая? Здесь темно, пахнет бетоном, выхлопными газами и сыростью. Тусклые лампы мигают, отбрасывая дрожащие тени на стены.

Выхожу из лифта, решаю подняться по лестнице. Один

этаж уж осилю как-нибудь. Хватаюсь за ручку — холодный металл обжигает ладонь — и тут же меня кто-то хватается. Рука сжимает мое запястье — пальцы грубые, сильные. Пытаюсь вырваться, закричать, но мне зажимают рот рукой. Ладонь пахнет табаком и металлом. Я слышу чужое дыхание у своего уха — тяжелое, быстрое.

— Заткнулась быстро, иначе прям здесь прикончу.

Я замираю. Меня заталкивают в припаркованную тут же машину. Она вся тонированная — стекла черные, непроницаемые. Внутри стоит запах прокуренного салона и вонючки с запахом ванили. Давлю в себе рвотные позовы.

— Отпустите меня, я не та...

— Заткнулась на хуй! — он достает пистолет и тычет им в меня. Черное дуло смотрит прямо мне в лицо. — Я знаю, ты беременна. Могу сделать укольчик, но не факт, что он будет тебе полезен.

— Не-не-надо, — стучу зубами я. Дрожь проходит по всему телу — от страха, от холода, от всего.

— Вот и договорились.

Мы выезжаем с парковки, и я вижу нашу машину. Марата и Демьяна возле нее. Он говорит по телефону, а потом резко кидает телефон об землю. Я даже слышу глухой удар, вижу, как пластик разлетается на куски.

— Оууу, смотри, Багиров в бешенстве. Как раз то, что нужно, — говорит мой похититель. Притормаживает на светофоре. — Только дернись — и всажу тебе пулю в лоб.

Я лишь смотрю в окно и молюсь, чтоб мой демон почувствовал меня. Он не смотрит. Орет на Марата. Но как только загорается зеленый и мы срываемся с места, он оборачивается и смотрит прямо на меня. Кажется, что стекла нет. Он видит меня. И спасет меня. Но я удаляюсь от Демьяна все дальше и дальше.

Что теперь со мной будет? Зачем психанула? Боженька, если ты есть, верни меня обратно к нему. Я стану самой лучшей женой. Я буду послушной.

Раздается трель телефона. Звук резкий, настойчивый. Похититель отвечает на звонок. Я прислушиваюсь, задерживая дыхание. Мне нужна будет любая информация. Как только мой демон меня спасет, ему понадобится любая информация, чтоб уничтожить своих врагов.

— Привет...

На том конце слышен голос — не могу понять, женский или мужской.

— Все прошло как по нотам. Багиров в бешенстве, — он ржет, пока на том конце продолжают говорить. — Не зря он трясся так над ней...

— Да знаю, что подфартило. Он сегодня вообще один ехать должен. Ты вовремя позвонила. И я был неподалеку.

Значит, женщина. А кто знал, что я поднимусь с ним? Кого я видела из женщин в том здании? Только Риту. Вот сука.

Опять на том конце ему что-то говорят.

— Да понял я, понял. Давай отбой.

Он бросает телефон на сиденье и закуривает. Запах табака заполняет салон — резкий, едкий. Откашливаюсь.

— Ну что, красотка, прокатимся? Тебя один очень уважаемый человек хочет видеть. Твой муж его пиздец как бесит.

— Это Рита звонила? — задаю вопрос.

— А ты смотрю до хуя умная. Да? — скалится он и протягивает мне мешок. Ткань грубая, пахнет пылью. — Надела и легла на сиденья. И ни звука.

Делаю, как он сказал. Не хочу укол. Мне надо думать не только о себе, но и о ребенке. Глажу живот, успокаиваю себя.

«Твой папа обязательно нас найдет и спасет.»

Кажется, я уснула. Потому что дергаюсь от резкого толчка и крика:

— Эй, ты че там уснула, что ли?

Сдергивает с меня мешок — свет бьет в глаза, я жмурюсь.

— Пошли, давай, знакомиться! — ржет он над своей шуткой. Мне вообще кажется, что он немного не в себе.

Оглядываюсь по сторонам. Первое, что вижу, — огромный забор. Высокий, железный, с колючей проволокой сверху. Значит, я где-то за городом. На крыльцо двухэтажного бревенчатого дома выходит мужчина. Он низкого роста, видно, что ему уже за пятьдесят. Обвисшее лицо, напоминает тролля. Он начинает хлопать в ладоши — звук гулкий, противный.

— Ящер, когда ты позвонил и рассказал, кого везешь ко мне в гости, я не поверил. Думал, опять белочку поймал, —

его смех похож на хрюканье поросенка. Какой противный старик. — Порадовал старика, ох как порадовал.

Вынимает из кармана пачку баксов и протягивает моему похитителю. Тот хватает деньги и спешит к своей тачке.

— Ну что, красавица, проходи. У нас с тобой будет разговор, — смотрит на меня масляным взглядом, шарит глазами по моему телу. Я чувствую этот взгляд — он липкий, грязный, он оставляет следы на коже.

Обнимаю себя за плечи и думаю, как прав был Демьян, когда говорил, что платье у меня неприличное. Я сейчас готова укутаться в простыню, чтоб только он не смотрел на меня так.

Внутри дом тоже весь деревянный. Иду за стариком — по-другому не назову его. Он садится в кресло напротив камина и указывает мне на такое же кресло. Камин потрескивает, огонь бросает тени на его лицо. Сажусь на краешек.

— Ну здравствуй, Анжелика. Давно хотел с тобой познакомиться.

А я как бы не горела желанием, но вслух не говорю этого. Прикусываю язык, жду дальнейших действий.

— Мне твой муж уже столько кровушки попил. Эх, — достает телефон, нажимает вызов. — Зайди.

А я покрываюсь холодным потом. Лоб становится влажным, руки дрожат.

— Ну что ты занервничала? Тебе же нельзя! Ты же будущая мать.

Дверь открывается за моей спиной. Я тут же подскакиваю на ноги и оборачиваюсь. В дверях застыл мужчина крупного телосложения. В руках папка. Если дедка можно отвлечь и ударить чем-то тяжелым, то этого хрен огреешь.

— Мы сейчас позвоним твоему мужу, чтоб он поговорчивее стал. — орет дедок, и лицо его тут же меняется. — Меня твой мужик уже достал. Мало ему, все мало. Сука, завод мой захотел. Я на него давно глаз положил, и вдруг этот щенок вылез из подворотни. Никак я не мог найти его слабое место — и тут ты.

Мужчина отходит от стены. Не папка это — ноутбук. Включает видеосвязь, я слышу гудки, потом щелчок — и на экране появляется Демьян. Хочется заплакать, но я не даю старикашке возможности позлорадствовать. Сжимаю зубы, чтобы не разрыдаться.

— Здравствуй, Демьян. Как дела? Тут ко мне твоя красавица в гости зашла.

— И тебе не хворать, Аркаша. Так ты отправь МОЮ красавицу домой. А то засиделась она у тебя. Адрес назови — я приеду.

— Ну ты что! Нам дело с тобой одно порешать надо. Порешаем так, как мне надо, — и вернется она к тебе. А нет — Рашид любит таких хорошеньких.

Рашид сжимает мое горло — пальцы жесткие, холодные.

Другой рукой сжимает мою грудь. Пытаюсь вырваться, но он лишь сильнее сжимает. Чувствую, что задыхаюсь. В ушах шумит, перед глазами плывет.

— Аркадий, ты же понимаешь, что теперь он не жилец, — холодно цедит мой демон.

Старик смеется — противно, хрипло. Меня на секунду выпускают. Смотрю прямо на Демьяна. Слезы из глаз текут сами по себе — я не могу их остановить.

— А ты пока со шлюхой своей разберись. Языкастая она больно у тебя, — и смотрю на него. Догадайся, только догадайся.

— Ого, а в семейном гнездышке смотрю не так все гладко.

— Я застала его, когда он трахал свою секретаршу, — не отвожу взгляд от экрана.

Я надеялась, что он поймет. Я не могла сказать прямо — старик бы сразу все понял и увез меня в другое место. Но я сказала достаточно. Пожалуйста, Демьян, пожалуйста, пойми.

Последнее, что вижу, прежде чем старик отключает связь, — как Демьян подмигивает мне.

Пожалуйста, пусть он догадается, что я хотела ему сказать. А так есть малюсенький шанс, что через Риту он выйдет на Ящера. Я уверена была, что это она меня сдала. Больше просто не кому.

Меня увели в маленькую комнату без окон. Возле стены стояла раскладушка — металлическая, холодная, с тонким

матрасом — а рядом пластмассовое ведро. Пахнет сыростью, плесенью и затхлостью.

Легла, свернувшись калачиком, укрылась затхлым одеялом. Ткань грубая, колючая, пахнет пылью. Хотя так согреюсь. Сто раз вспомнила слова Демьяна про мое платье. И правда, надо было его послушать. Тихонько всхлипнула. Он придет. Он спасет меня. И я буду делать все, все, что он скажет.

Глава 10

Сижу в кабинете третий час. Всех уже подключил к поиску моей девочки. Ведь догадывался, что не просто так она за мной помчалась. Но я никак не мог ожидать, что сука Ритка будет в офисе. Весь день мне названивала. Не поняла, видно, когда я сказал, что всё кончено. Нет, после встречи с клубничкой я натягивал её пару раз. Но кроме слива похоти ничего не чувствовал. Да я просто сидя с моей рыжей девочкой рядом, смотря эти дебильные мультики, получал больше кайфа. Видел, как она постепенно привыкает ко мне.

Раньше при виде меня она сжималась вся, ждала от меня, что я наброшусь на неё. Прямо на подкорке ощущал, как она пугается меня. Старается говорить спокойно, а у самой губы дрожат. Да по правде так и было — я сдерживал себя из последних сил. Наброситься на неё хотел. Нагнуть и трахать, пока она не привыкнет ко мне. Но с моей клубничкой так нельзя.

Из зала не вылазил. Лупил грушу до тех пор, пока тело

ломить не начинало. Думал: ну всё, точно не наброшусь на неё. Но сука, как только встречался с ней, хуй тут же стойку принимал. А она смотрит на меня своими глазами Бэмби, блядь. И вообще не вдупляет, какой эффект на меня оказывает.

Через не могу. Ломал себя каждый день. Старался держаться от неё подальше и, как маньяк, искал её. Приходил и сидел просто рядом с ней. Видел, как она меняется, как постепенно привыкает ко мне. Перестала шугаться меня. Стал замечать, что она даже ждёт наши такие тихие вечера. Или это я сам себя накручивал — хуй знает. Но сегодня утром, когда ей плохо стало, она не оттолкнула меня, когда я обнял её. Доверилась. Расслабилась. А как она кончала — до сих пор её стоны слышу. А как она сдерживалась — всю губу кусала. А вот как я сдержался — не знаю! На грани уже был. И тут как обухом по голове — страх в её глазах. Но блядь, извини, девочка, не могу же я себя кастрировать, чтоб ты не боялась.

В машине ещё заметил ревностные нотки в её голосе, когда сказала, чтоб я ответил на звонок. Нагрубил, а самого так и подмывало спросить — не ревнует ли она меня. И как выскочила из машины за мной. Ага, в туалет! Так я тебе и поверил.

Но я блядь никак не ожидал, что Ритка уже в офисе будет. Сказала, что документы завезёт в течение дня. Сука! Как только зашёл в конференц-зал, тут же свои ручки на меня на-

ложила. Решил окончательно расставить все точки над «и». Вот чувствовал, что моя клубничка ни хрена меня слушать не будет. Не будет она послушно сидеть на своей жопе ровно. И надо ей было зайти в самый неподходящий момент.

Я даже опешил немного. Пряма картина маслом — муж с любовницей. Ну как обычно нагрубил ей, потому что не хуй. Сказал ждать возле лифта — значит, должна ждать. Пощёчину заслужил. Даже слова не сказал, а она возьми и стартани.

Только на улице увидел, что она не вышла, когда Марата возле машины встретил. Сказал, что не выходила. Позвонил охране, чтоб по камерам проследили. Спустились на нижний этаж — там камеры сломались. Сразу понял — не просто так. Психанул, разбил телефон. Кто посмел?! Я же всех в оборот взял. На всех за этот месяц компромат нарыл. Только сунулись бы — пизда им всем пришла бы. Кто такой смелый оказался?

Думал, что моя девочка в безопасности. Всё для этого сделал. Бросил взгляд на перекрёсток, задержал взгляд. Кто посмел?

Мысль, что она сама от меня сбежала, отмел сразу. Не могла она сестру бросить.

Ударил по столу в который раз. Ещё пару ударов — и стол менять придётся.

Марат зашёл в комнату, сел напротив меня.

— Никаких зацепок. Всё чисто сработано. Кто мог знать,

что ты сегодня в офис собирался?

— Никто! Ну кроме Риты. Да и то, что она со мной пойдёт — полная неожиданность была.

— Демьян, может, Ритку ещё раз потряхнуть?

— Не вариант. Она никак не могла знать, что Лика со мной пойдёт. Мне важно знать, кто в этом доме слил инфу, что мы вместе уехали. Не верю я в совпадение. Кто-то дал наводку.

Кто знал, что я поеду в офис? Я сам не знал до последнего. Решил в последнюю минуту. Значит, кто-то в доме слил информацию. Кто-то из моих. И этот кто-то сказал Аркадию, что я буду в офисе. А Рита... Рита просто оказалась там. Или её подставили? Или она сама часть плана?

— Ты думаешь, что у нас крыса завелась?

— Я не думаю, я это точно знаю.

В дверь постучали, и тут же в приоткрытую дверь вошла Мария Владимировна. На её лице — тревога, в руках она теребит край фартука.

— Я девочку спать уложила. Еле успокоила. Есть новости о Лике?

Я покачал головой.

— Мария Владимировна, хорошо, что зашли, — потер переносицу. — Миле завтра лететь на лечение. Вы с ней поедете. И ты, Марат, тоже. Откладывать нельзя. Чем больше ждём — тем меньше шансов на положительный результат.

Ноутбук ожил. Входящий вызов. Номер незнакомый. Тут

же отвечаю. На экране вижу свою девочку и старика Аркашу. Сука. Так и не простил мне свой завод.

Клубничка моя храбрится, но я-то вижу, как ей страшно. А вот этот смертник уже подписал себе смертный приговор. Никто, кроме меня, не имеет права трогать мою девочку.

И тут клубничка выдаёт про то, что я трахал свою секретаршу. Так, стоп. При чём тут «языкастая»? Они же с ней даже словом не обмолвились.

Держись, клубничка. Я уже иду за тобой.

Звонок прерывается. Сжимаю руки в кулаки. Придушить тварь хочется, только как она успела? Но неспроста Лика про неё вспомнила. Рита. Она сказала это специально. Чтобы я понял. Умная моя девочка.

На почту приходит письмо от Аркаши. Ну никак я не думал, что старик на такое пойдёт. Открываю.

«Зависит от тебя — вернётся к тебе твоя девочка живая или по частям. Время до завтра. Отмени сегодня сделку с Харитоновым».

Сука! Сука! Тварь! Даже знает, что сегодня вечером встреча с Тимуром. Да уж, Харитонов меня сразу предупредил, что с покупкой этого завода мы перейдём дорогу многим. Что проблемы ещё настигнут нас. Когда Харитонов позвонил и предложил на двоих приобрести бриллиантовый завод, я тогда сразу ухватился за эту идею. Тимур предупредил, что просто не будет, а я махнул рукой. Нарушить сделку — значит поссориться с Харитоновым. Ссориться с ним

ну никак не хотелось. Он всё вложил в этот завод. А человек, находящийся на грани, может наделать глупостей. Да уж, бриллианты — это вам не хухры-мухры.

Шестерёнки в моей голове закрутились в ускоренном режиме. Время пошло на минуты. Лику надо найти за сутки. И тут не стоит выбор — или она, или он. Тут выбор без выбора.

— Так, Мария Владимировна, на вас Мила. Идите, — жду, когда она уходит, закрыв за собой дверь. — Марат, найди мне Риту немедленно и привези её на наш склад. Потолковать с ней надо. Сколько человек в доме сегодня?

— Семеро, вместе со мной.

— Вызови другую смену. Эти все со мной поедут. Через минуту выйду — пусть готовы будут. Со мной прокатятся.

— Понял.

— Куда едем и зачем — им не надо знать.

Марат кивает, достаёт мобильный и направляется на выход.

Ну что ж, не зря ты, Риточка, ротик-то открыла про моих врагов. Значит, знаешь что-то. Но как же ты это провернула? Ну никак ты не могла знать, что я сегодня Лику возьму с собой. Значит, кто-то слил. Кто-то в доме работает на Аркашку.

Захожу в гараж. Пахнет бензином и машинным маслом. Илья курит возле машины — сигарета тлеет в его пальцах, дым поднимается к потолку. Остальные рассаживаются по машинам.

— Поехали, — киваю ему и сажусь в чёрный «Мерседес». Он тут же тушит сигарету и прыгает в тачку.

— А я думал, ты с Маратом поедешь.

— Марат по другим делам уехал.

— Так куда мы? — спрашивает, выруливая за ворота. За нами следует ещё две машины.

— На склад.

— Опять кто-то накосячил?

Ничего не отвечаю, лишь киваю. Хотел набрать Влада, вспомнил, что телефон приказал долго жить.

— Дай твой телефон! — протягиваю руку.

— Зачем, шеф? — напрягается Илюша.

— Бабе твоей позвоню! — рычу в ответ. — Марату позвоню.

— Аааа, — лезет в карман пиджака, достаёт телефон и протягивает мне.

Набираю Марата. Он отвечает сразу.

— Да.

— Номер Влада скинь смс.

Тут же отключаюсь. Через минуту приходит смс. Открываю и тут же набираю Влада.

— Слушаю, — отвечает Влад. По голосу слышу, что недоволен.

— Это Демьян. У меня к тебе дело.

— Ого, какие люди! Какое дело? — как понял, кто с ним связался, сразу интонацию поменял.

— Помнишь, ты хвалился, что у тебя есть спец, который любую технику вскрыет?

Молчит. Смотрю на экран — отключился, что ли? А нет, отвечает:

— Ну было такое.

— Он мне нужен. Дай контакты.

— Демьян, тут такое дело... — тушуетсЯ друг.

— Влад! Лика у Аркаши! Мне нужен твой спец! — теряю терпение.

— Ладно, я сам привезу. Куда подъехать?

— На склад. Чем быстрее — тем лучше.

Влад скидывает. Возвращаю телефон владельцу. Бесит. Всё бесит. Время тянется так медленно. А у меня каждая минута на счету.

Глава 11

Склад, находящийся за городом, только с виду был складом. А так это обычное место по выбиванию правды. Место здесь глухое — ори, никто не услышит. Пахнет здесь сыростью и ржавым металлом. Серые бетонные стены, голые лампочки под потолком, тусклый свет, который выхватывает из темноты железные стулья и стол. Люди сюда попадают не просто так. Не хотят по-хорошему — значит, будет по-плохому.

Рита, сидящая передо мной, тоже не хочет по-хорошему.

Сидит нога на ногу, всем видом показывает, что ничего у тебя на меня нет. Ничем не докажешь. На ней белая блузка, расстёгнутая на две пуговицы, и слишком короткая юбка. От неё пахнет дорогим парфюмом — сладким, приторным, он смешивается с запахом сырого бетона. И это, сука, так бесит.

Где Влад со своим ебучим спецом? Через Ла-Манш, что ли, едут?

— Рита, ты же понимаешь, что рано или поздно ты мне всё расскажешь? Давай по-хорошему?

— Демьян, я тебе сто раз говорила, что я вообще не в курсах, кто твою девку украл. Ты не забыл — я в это время с тобой была, — хлопает своими наращенными ресницами, губы поджимает. Всем видом показывает, как её оскорбляют мои претензии.

— Да не верю я в совпадения. Ты ж мне угрожала.

Подаётся вперёд, своими руками мои хочет захватить. Ударяю по рукам. Звук — резкий, хлесткий — разносится по пустому складу.

— Демьян, любимый мой, это ж от ревности.

— Ну вот, отличный стимулятор. Ты приревновала и...

— Ха, Демьянчик! Я как только её увидела, сразу поняла — не ровня она мне. Тебе быстро надоест, и вернёшься ты ко мне. А ждать я умею.

Хлопнула дверь, оповещающая, что у нас гости. Звук эхом разносится по складу.

Ну наконец-то, Влад. Встаю, киваю Марату, чтоб за этой

следил. А где спец-то его? Вижу, кто-то за спиной его прячется. Ну, что там за дрищ? За Владом и не видно.

Хера себе поворотики. Девка! Да ещё блондинка! Только не говори, что это твой специалист!

— Это она?

Вижу, как она к Владу жмётся, испуганно оглядывается по сторонам. Меня с ног до головы осмотрела — взгляд быстрый, цепкий.

— Давай быстро, что надо сделать. А то Настя твоих орангутангов пугается.

— Чего? А тебя она, значит, не боится? Да ты пострашнее... как ты их назвала?

— Я не боюсь! Просто неприятные воспоминания! — звонко отвечает блондиночка и зыркает своими глазищами на Влада.

— Мы же вроде всё обсудили. Тебе никто не угрожает. Просто помоги моему другу.

— Угу. Не угрожают, а принуждают.

— Если ты сейчас не заткнёшься...

— Что, членом мне глотку заткнёшь? Ой, блин, испугал.

— Эй, может, уже закончите свои брачные игры и приступим к делу? — не выдерживаю я.

— Где я могу сесть? — Настя отходит от Влада, но следит за ним. Видит, что он идёт за нами, и выдыхает. Плечи её расслабляются, но взгляд остаётся настороженным.

Между этими двумя определённо что-то есть.

Подвожу Настю к столу, где лежит уже Ритин телефон. Если там была какая-то информация и она удалена, то, по словам Влада, Настя добудет эту информацию. Девчонка быстро достаёт свой ноутбук — чёрный, с потёртыми углами — подключает Ритин телефон и щёлкает по клавишам. Пальцы летают по клавиатуре быстро, уверенно.

— Какая информация нужна? Пароли, явки? — улыбается она.

— Нужны все распечатки звонков входящих и исходящих. Всё смс, желательно во всех мессенджерах. Может проскользнуть имя Лика или Анжелика.

— Ага, поняла. Не переживай, найдём твою девочку.

— Если сможешь — проси что хочешь!

Вижу, у Насти глаза загорелись. В них вспыхивает интерес — не жадность, а скорее азарт.

— Что угодно?

— Не слушай её, Демьян! — вклинивается Влад.

— Да, — отвечаю с ним одновременно.

— А если мне убить кого надо? Поможешь?

— Да! — отвечаю я.

— НЕТ! — рычит Влад.

А блондиночка уже руку для сделки протягивает. Ладонь маленькая, но пальцы крепкие. Я пожимаю. Влад смотрит волком на нас двоих. Настя же, пожав плечами, возвращается к ноутбуку.

— Блядь, а она не тебя мне заказала? — подхожу ближе

к Владу.

— А я на хер не знаю. Может, и меня. Она то сама прыгает на меня, то орёт, что я ей жизнь порчу и она меня убить хочет.

— Весело, смотрю, у тебя. Где ты её нашёл?

— Она сама меня нашла! Ну, то есть, помнишь, у меня бабки со счетов стали исчезать. Потом машину у меня из-под носа спиздили. А она крутая была, вся электроникой наштигована. Противоугонка и всё такое. Угадай, чьих рук дело?

— Да ладно! Вот эта пигалица угнала твою тачку?

— Ага. Прикинь, когда увидел — сам офигел. Думал, убью на месте, когда поймаю.

— Подожди! Ты сказал «была»? — помню, как он хвалился своим приобретением. Как пылинки с неё сдувал. Мы ещё ржали с него — может, он ещё трахнет её.

— А она её в хлам расхуярила.

— Да ладно? И она ещё жива? — кошусь на девчонку.

— Ну как видишь, — улыбится Влад.

— Есть! — подсказывает Настя. И забрасывает в рот чупа-чупс. Перекатывает его во рту. Влад аж зеленеет от злости.

— Сладкое вредно, — пытается вырвать его, но она не даёт.

— Отстань, — рычит на него. — Демьян, смотри.

Я подхожу ближе. Экран ноутбука светится голубоватым светом, освещая её лицо.

— Смотри, два номера за последние двое суток проявили наибольшую активность. В основном исходящие. Но не это главное. Во сколько вы сегодня выехали из дома?

— Где-то около десяти утра.

— Ровно в десять ей поступает звонок с этого номера. А теперь смотри.

Она щёлкает по клавишам, и я вижу переписку. Месячной давности.

«Она что, в его доме живёт?»

«Да. Она беременна от него. Он теперь носитя с ней, как курица с яйцами».

«Следи за ней, милый, и мне сообщай, хорошо?»

«Как скажешь. Когда мы с тобой встретимся?»

«Скоро, милый, я приласкаю тебя».

— Сука. Номер знакомый. Ладно, по хер. Можно? — ука-
зываю на ноутбук Насти. Она кивает.

— Только не разбей.

Подхожу к Рите. Она всё ещё улыбается. Поворачиваю к ней экран — и тут же её улыбка пропадает. Вот теперь я вижу в её глазах страх. Зрачки расширяются, лицо бледнеет.

— Ну а теперь мы поговорим. Но сначала я твоего ебара найду.

Беру у Марата телефон, набираю номер, с которого была переписка. Жду. Сука, даже вижу, чьё имя высвечивается.

Поворачиваюсь и смотрю ему прямо в глаза.

— Ну здравствуй, Илюша! — чеканю слова.

Он дёргается и пытается бежать. Ботинки скрипят по бетонному полу.

— Ко мне его!

Его подводят ко мне, и тут я спускаю всю злость на него. Его лицо уже кровавое месиво — я чувствую, как хрустят кости под моими кулаками, как горячая кровь брызгает на руки. А у меня только агрессия растёт. Сука, пригрел крысу в собственном доме. Марат вместе с Владом оттаскивают меня.

— Всё, успокойся. Ты как с трупа информацию получать будешь?

— А он мне на хер не нужен.

Вырываюсь, хватаю Риту за горло. Пальцы сжимаются на её шее — чувствую, как бьётся её пульс под моими пальцами. Её белая блузка испачкана кровью Ильи.

— Говори, сука! Иначе я тебя прям здесь угандошу!

— Пусти! — хрипит она. Из глаз катятся слёзы — макияж стекает по ее щекам. Вся её бравлада улетела к хуям собачьим. Теперь передо мной дрожащая тварь. Швыряю её на пол. Она тут же хватается за мои ноги — пальцы впиваются

в штанину, царапают кожу через ткань.

— Не убивай! Я всё расскажу! Тебя не было в офисе, когда приходил Аркадий к тебе. Он орал и требовал тебя. Я тогда не знала, что он такой злой на тебя. Потом узнала, — говорит она быстро, размазывает слёзы по лицу. — Так вот, я нашла его контакты и встретила с ним. Он платил мне только за то, чтоб я сливала ему информацию на тебя.

Первый раз бабе вьебать хочется.

— Дальше.

— А потом Илья позвонил и сказал, что ты везёшь свою шлю... — видит мой взгляд, сглатывает. — девуку. Короче, с ней ты едешь. И я позвонила Аркаше. А он мне дал номер Ящера, чтоб я ему позвонила, когда ты появишься в офисе. Я ждала тебя уже там, в фойе. Я видела, что ты подъехал, сразу позвонила ему. И я видела, что ты девуку с собой взял. Дальше я быстрее вас поднялась в офис и ждала тебя там. Это всё! Отпусти меня, Демьян. Ты же хороший. У нас же с тобой есть прошлое.

— Заткнись. Какое, блядь, прошлое? Я просто ебал тебя от случая к случаю. Номер. Быстро.

— Чей?

— Ящера! Соображай быстрее!

— Да-да! Сейчас!

— Настя! — девушка подходит ко мне, прижимая к груди ноутбук. — Сможешь пробить, где сейчас находится?

Она кивает. Рита диктует номер, а Настя уже стучит по

клавишам.

Зачётная девочка. Таких надо держать при себе. Подхожу к Владу.

— Если она закажет тебя — ты не переживай, я о ней позабочусь. Таких специалистов нужно держать рядышком.

Друг злится.

— Да что ты говоришь! А давай я сам о ней позабочусь!

— Смотри, если обидишь девочку — будешь иметь дело со мной.

Он хотел что-то ответить, но к нам подошла Настя.

— Спасибо большое. Телефончик свой забей, — протягивает мне свой телефон. — Я могу позвонить даже ночью.

— Без проблем, — говорю ей, забивая свой номер.

— Адрес. Последний сигнал — по крайней мере, оттуда, — показывает карту. — Можно с вами?

— На хрена, Настя? — рычит Влад.

— А вдруг там тоже мои услуги понадобятся?

— Да. Влад, она права. У меня до встречи меньше четырёх часов осталось.

Отправляю Настю с Владом пока на улицу. Мне ещё с Ритой закончить надо.

— Шеф, что с этим делать? — кивает на Илью.

— В утиль.

— А с этой? — спрашивает Серый.

Я сажусь на корточки рядом с Ритой. Слышу её прерывистое дыхание, чувствую запах её страха.

— А с этой? Рит, ты же у нас трахаться любишь. По глазам вижу — любишь. А знаешь, где самые голодные мужики? Вижу, поняла, — поднимаюсь в полный рост.

— НЕЕЕТ! — кричит Рита и начинает ползать на коленях.
— НЕЕЕТ! Демьян, пожалуйста! Я ж ничего не сделала! Я не хотела! Прости меня!

— Заткните её уже чем-нибудь. Серый, тут за главного. Эту — на зону. Порадуй там наших. Перед отправкой можете сами попользоваться. Сосёт она отменно.

Бросаю последнее и ухожу вместе с Маратом. Даю ему указания, чтоб наших подтягивал, называю ему адрес. Надо телефон купить — полезная вещь, однако. А то свой то я разхуярил.

Только через полчаса подъехали к нужному дому. Ебучие пробки. Возле подъезда пахнет гарью и пылью. Махнул своим, чтоб за выходами следили. Настя подрывается с нами идти, Влад её в машине запирает. Поднимаемся к нужной двери. Вышибаю хлипенькую дверь с одного удара — она слетает с петель с глухим грохотом. В ванной слышится шум воды. Открываю.

СУКА! ЧТО МНЕ ТАК ВЕЗЕТ ТО!

Глава 12

Кажется,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.